

ДОЛГ ДО РАССВЕТА



КИРА ЛЕСНАЯ

Кира Лесная

Долг до рассвета

<https://litres.ru/74675314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Раз в семь лет на перекрёстке семи дорог открывается ярмарка, где обещания взыскивают буквально, а точное признание собственной ошибки даёт силу исправить её последствия. Мирослав Чета служит сборщиком долгов и верит, что умеет отделять честный расчёт от жестокости. Но в первую же ночь он находит талисманы с чужими признаниями — и собственное имя среди обеспечения старого договора.

До рассвета Мирослав должен раскрыть торговлю голосами, остановить дядю-наставника и решить, можно ли закрыть общий долг, не назначив одного человека платой за всех. Чем ближе утро, тем яснее: признание освобождает только тогда, когда остаётся у того, кто готов исправлять причинённый вред.

Самостоятельный фэнтези-роман о цене ответственности, семейном долге и праве человека на собственное имя.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Ярмарка за семью дорогами	5
Глава 2. Ошибка как монета	23
Глава 3. Лавка добрых оправданий	37
Глава 4. Дядя у западных ворот	59
Глава 5. Долг, которого не было	75
Глава 6. Сила кузнеца	93
Глава 7. Три часа до полуночи	110
Глава 8. Имя на медной костяшке	129
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Кира Лесная

Долг до рассвета

От автора

Ошибка может стать началом исправления, но только пока человек называет её сам. Стоит превратить признание в монету, пропуск или оружие — и ответственность снова незаметно перекладывается на другого.

Эта история происходит за одну ярмарочную ночь. Здесь долги записывают на медных счётах, духи понимают обещания буквально, а рассвет не ждёт, пока люди найдут удобные слова. Героям придётся различить признание и оправдание, платёж и исправление, чужой приговор и собственное решение.

В книге нет лёгкого способа отменить причинённый вред. Есть возможность назвать его точно, сделать следующий поступок и не продавать полученную силу тому, кто хочет миновать собственную ответственность.

Глава 1. Ярмарка за семью дорогами

До Ярмарки Семи Дорог нельзя было дойти по прямой. Мирослав Чета знал это с двенадцати лет, но всякий раз проверял.

Он вышел из города на закате по Мельничному тракту, прошёл мимо пустой заставы и остановился у столба, на котором семь указателей смотрели в одну сторону. На верхней дощечке кто-то свежей смолой написал: «К ярмарке». На второй значилось то же самое, только буквы были вырезаны ножом. Третья обещала короткий путь, четвёртая — безопасный, пятая — честный, шестая — последний. На седьмой не было ни слова.

Мирослав выбрал седьмую.

Тропа за столбом нырнула в орешник, дважды пересекла саму себя и вывела к ручью, которого не было на городских картах. Мирослав снял правую перчатку, опустил в воду медную монету и подождал, пока течение унесёт её против хода воды. Потом перешёл ручей, не глядя на собственное отражение.

За ручьём пахло жареными яблоками и мокрой шерстью. Вдалеке звякнул колокольчик. Мирослав прошёл ещё с полверсты, хотя берёзы по обе стороны дороги стояли те же са-

мые, и увидел перед собой каменную арку без стены. В арке лежала дорога, вымощенная красным кирпичом. За ней горели тысячи огней.

Ярмарка открывалась раз в семь лет, но ждала так, словно закрылась только вчера.

Шатры теснились от одного края ночи до другого. Алые, синие, жёлтые полотнища поднимались без ветра. Над прилавками крутились стеклянные рыбы, сапоги сами отбивали чечётку, связки ключей нашёптывали имена дверей. Торговцы зазывали покупателей человеческими голосами, звериным рыком и шелестом сухих листьев. Где-то били в медный таз. Где-то смеялись дети, хотя детей на ярмарку до полуночи не пускали. Семь дорог сходились к площади, выложенной белым камнем, и каждая дорога продолжалась дальше, в места, которых не существовало рядом с городом.

Мирослав задержался под аркой. В прежние годы дядя стоял здесь и велел ему вдохнуть ровно один раз.

— Первый вдох ярмарка дарит, — говорил Гордей. — За второй уже спросит плату.

Мирослав тогда верил каждому его слову. Теперь знал: дыхание тут было ни при чём. Ярмарка брала плату не за воздух, а за желание получить что-нибудь без расчёта. Однако привычка оказалась крепче знания. Он вдохнул один раз и вошёл.

У ворот его встретил низенький распорядитель в сером кафтане. Лицо у распорядителя было человеческое, только

моргал он снизу вверх. Он протянул ладонь.

— Имя.

— Мирослав Чета.

— Должность.

— Сборщик долгов перекрёстка.

— Ручательство.

Мирослав вынул из внутреннего кармана железный жетон городской управы. Семь лет назад на жетоне был выбит долговой крюк. Теперь — раскрытая ладонь. Пока служба существовала только на бумаге и в его упрямстве: две комнаты над пожарным сараем, писарь на половинном жалованье и правило не сажать человека за долг, если можно договориться о работе или сроке. Управа выдала жетон после трёх месяцев споров, чтобы Мирослав наконец отстал.

Распорядитель лизнул железо длинным чёрным языком.

— Город ручается за тебя неохотно.

— Как умеет.

— Духи перекрёстка ручаются охотно. Это хуже.

— Знаю.

Распорядитель вернул жетон и достал из-под кафтана медные счёты. Рама была величиной с книгу, перекладыны потемнели от ладоней. На них сидели узкие костяшки, каждая с насечкой. Мирослав взял счёты обеими руками. Медь оказалась тёплой, будто до него их долго держали у огня.

К верхней перекладине был привязан свёрнутый список.

— Тридцать один долг, — объявил распорядитель. —

Обещанное людям. Обещанное духам. Обещанное тем, кто не решил, к кому относится. Свести до первого прямого луча.

— Семь лет назад было двадцать четыре.

— Люди плодятся.

— Долги быстрее.

Распорядитель моргнул снизу вверх. Возможно, так он улыбался.

— Если останется недостача, счёты возьмут обеспечение. Если останется избыток, счёты назначат хранителя. Если расчёт сойдётся, можешь унести своё вознаграждение.

— Какое?

— То, которое сумеешь не взять.

Последнюю фразу распорядители повторяли на каждой ярмарке. Мирослав никогда не понимал, считалась ли она предупреждением или шуткой. Он развернул список.

Имена шли в два столбца. Рядом стояли предмет долга и тот, кто требовал расчёта: овинный дух, хозяйка постоянного двора, трое мостовых бесов, вдова свечника, колодезный дед. Внизу чернила ещё блестели. Тридцать первая строка была пуста, кроме суммы: одно имя полностью.

Мирослав провёл пальцем над строкой, не касаясь бумаги.

— У последнего долга нет должника.

— Пока нет, — ответил распорядитель.

— И взыскателя.

— Пока нет.

— И срока возникновения.

— Он возник раньше, чем ты пришёл, и позже, чем ты уйдёшь.

— Так не считают.

— Поэтому счёты у тебя.

Распорядитель шагнул в сторону и сразу потерялся среди посетителей. Мирослав ещё раз взглянул на пустую строку. На внутренней стороне медной рамы будто шевельнулась ца-рапина. Он поднёс счёты к ближайшему фонарю, но увидел лишь старый след резца.

Тридцать один долг за одну ночь. Работа была тяжёлой, но не невозможной. Первые семь ярмарочных часов тянулись медленно, следующие три проходили быстро, последний час мог уместиться в одну человеческую минуту. Главное — не оставлять сложные счета под утро и не верить часам, которые продавались в восточном ряду.

Мирослав сдвинул первую костяшку. Она щёлкнула, и на списке проступила алая точка рядом с именем Насты Веретено.

Долг: доставить семь бочек родниковой воды хозяину Золотого Колодца. Взыскатель: колодезный дед Северной дороги. Просрочка: семь лет.

— Начнём с простого, — сказал Мирослав.

Счёты тихо скрипнули.

Наста нашлась в возничьих рядах. Искать её было нетрудно: над телегами возвышался кнут с рукоятью из белого де-

рева, а рядом спорили сразу четверо. Один покупатель требовал подвезти клетку с тенью, второй хотел отправить домой мешок зимнего запаха, третий уверял, что заплатил за место ещё на прошлой ярмарке. Четвёртым был долговязый дух с бородой из ряски. С его рукавов текла вода, хотя небо над ярмаркой оставалось сухим.

Наста Веретено стояла на колесе телеги и связывала лопнувший обод ремнём. Она была крупной женщиной с коротко стриженными волосами. Её зелёный дорожный кафтан потемнел на плечах от пота. На вид ей было около сорока. Спорщиков она не замечала с мастерством человека, который много лет возил чужие товары и чужие мнения.

— Веретено! — позвал Мирослав.

Она затянула узел, проверила его ногой и только тогда обернулась.

— Если по найму, становись пятым. Если по долгу, покажи бумагу.

Мирослав поднял список.

Трое покупателей отступили. Дух с бородой из ряски расправил плечи, и вода с него полилась сильнее.

— Наконец-то, — пробулькал он. — Семь бочек. Семь лет. Семь вёсен колодец входил пустым в сухой месяц.

— Я привезла воду, — сказала Наста.

— Ты привезла шесть бочек и одну дыру!

— Седьмая треснула на каменном спуске. Я предлагала доплатить.

— Вода не знает денег.

— А бочар знает. Я оставила серебро на новую бочку.

— Колодец не пьёт серебро.

Мирослав поставил счёты на край телеги. Три нижние костяшки сами отодвинулись вправо. Дух немедленно ткнул мокрым пальцем в Насту.

— Видишь? Недостача.

— Вижу, — сказал Мирослав. — Где была взята вода?

— Из родника под Белым холмом.

— Где должна была оказаться?

— В Золотом Колодце до первого грома, — ответила Наста.

— Первый гром случился через два дня после ярмарки,

— добавил дух. — А она уехала на юг.

Мирослав посмотрел на Насту.

— Почему не довезла замену?

— Потому что дорогу размыло. Потом меня наняли купцы. Потом начался падёж лошадей. Потом Золотой Колодец пересох, и лить туда воду было уже некуда.

Костяшки на счётах задрожали. Это случилось, когда должник говорил правду, не отвечавшую на вопрос.

— Я спросил не о том, что мешало, — сказал Мирослав.

— Почему ты не довезла замену, когда могла?

Наста спрыгнула с колеса. Она оказалась одного роста с ним и смотрела прямо, без суеты.

— Ты всегда начинаешь с одного вопроса и сужаешь его,

пока человеку не останется места встать?

— Нет. Иногда начинаю с двух.

— Гордеев выученик.

— Был.

При имени дяди она едва заметно повела плечом. Мирослав отметил это, но не стал спрашивать. Ночь только началась; на ярмарке полезнее было помнить недоговорённость, чем сразу бросаться за ней.

— Семь лет назад ты обещала семь бочек, — продолжил он. — Одна разбилась. Это случайность. Потом ты могла заменить её и не стала. Это уже решение. Мне нужно твоё решение, а не погода вокруг него.

Наста посмотрела на телегу. Лопнувший обод держался, однако колесо просело в грязь почти до ступицы. В телеге лежали две новые бочки, связки колёсных спиц и небольшой железный сундук.

— Я не вернулась, потому что серебро стоило мне дешевле дороги, — сказала она. — Я решила, что дед возьмёт деньги, побранится и забудет.

Счёты щёлкнули. Одна костяшка сдвинулась влево, две остались справа.

Дух торжествующе вскинул мокрые руки.

— Слышал? Решила обмануть!

— Нет, — возразил Мирослав. — Она решила заменить обещанное удобной для себя платой. Это не одно и то же.

— Мне было всё равно, удобно ли колодцу, — сказала На-

ста.

Вторая костяшка скользнула влево.

Воздух вокруг телеги стал плотнее. Фонарь над соседним прилавком вспыхнул синим, и тени людей легли на землю в противоположную сторону. Мирослав почувствовал знакомый привкус железа на языке. Признание было близко, но ещё не стало точным.

— Что именно ты сделала неправильно? — спросил он.

Наста нахмурилась.

— Не довезла воду.

Ничего не произошло.

— Это итог.

— Оставила серебро.

Счёты молчали.

— Это действие.

— Ну а что тебе надо? Чтобы я назвала себя воровкой? Лгуньей? Скажи слово, я повторю, и отпустишь меня работать.

Дух с ряской в бороде закивал. Покупатели тоже придвинулись ближе. Ярмарка любила быстрые признания: ими расплачивались в игорных шатрах, у гадателей и в лавках, где продавали сон без сновидений.

Мирослав накрыл ладонью медные костяшки.

— Повторённое за мной слово ничего не стоит. Ты знала, что Золотой Колодец получает родниковую воду раз в семь лет?

— Знала.

— Знала, зачем?

— Чтобы пережить сухой месяц.

— И решила, что вправе сама назначить замену.

Наста медленно выдохнула. Вокруг них шумела ярмарка. Зазывала обещал вылечить страх высоты путём обмена на страх глубины. Из клетки с тенью доносилось царапанье. Где-то лопнул пузырь смеха, и целая толпа одновременно помрачнела.

— Я решила, что чужая нужда не стоит моего обратного пути, — сказала Наста. — Вот моя ошибка. Не разбитая бочка. Я знала, для чего нужна вода, и всё равно заплатила серебром, чтобы больше об этом не думать.

Последняя костяшка ударилась о раму.

Мирослав отдернул руку. Между пальцами Насты проступил золотой свет, тонкий, как нити в старой парче. Он обвинил её запястья, поднялся к локтям. Наста взглянула на свои ладони.

— Семь лет назад такого не было.

— Было, — сказал дух. — Ты не договорила.

Земля под телегой хрустнула. Увязшее колесо поднялось из грязи само собой, но Наста не отшатнулась. Она ухватилась за спицу, приподняла телегу одной рукой и другой выдернула из-под ступицы камень величиной с жернов.

Покупатели замолчали.

Наста осторожно опустила телегу.

— Это моё? — спросила она.

— Ненадолго, — ответил Мирослав. — И только для того, что связано с последствием ошибки.

Она посмотрела на две новые бочки.

— Значит, я могу довести воду.

— Если возьмёшь её из того же родника и доставишь в Золотой Колодец.

Дух недовольно стряхнул ряску с бороды.

— Колодец пересох.

— Потому что не получил седьмую бочку? — спросил Мирослав.

— Не только. Камни осели. Корень пробил северную стену. Глина ушла в трещину.

— Тогда признание не наполнит его вместо дождя. Но даст Насте силу исправить то последствие, которое принадлежит её решению. Показать дорогу можешь?

Дух указал мокрым пальцем на Северную дорогу. Между шатрами на миг открылся вид на далёкий холм и чёрный колодезный ворот.

— До полуночи проход свободен, — сказал он. — Потом дорога свернётся в зимний лес.

Наста взялась за оглоблю. Телега, которую прежде тянули бы две лошади, легко покатила за ней.

— Стой, — сказал Мирослав. — Вода из родника. Одна полная бочка. В колодец до полуночи. Потом ты возвращаешься сюда, и мы проверяем расчёт.

— А если колодец не примет?

— Тогда выясним почему. Признание даёт силу исправлять, а не обещает, что тебя простят.

Она кивнула. В её лице не было ни облегчения, ни раскаяния, которое любят изображать на храмовых картинах. Только собранность человека, наконец увидевшего точную работу.

— Семь лет, — пробормотала Наста. — Я семь лет помнила серебро и ни разу не вспомнила воду.

— Теперь вспомнила.

— Не утешай меня, сборщик. Лучше запиши верно.

Она повела телегу к Северной дороге. Дух поплыл следом, оставляя на пыльных камнях цепочку мокрых следов. Через несколько шагов Наста обернулась.

— Гордея видел?

— Ещё нет.

— Увидишь. Он нынче не у ворот.

— А где?

— Там, где ошибку можно продать дороже, чем товар.

Она не стала объяснять. Северная дорога приняла телегу, духа и золотое сияние на её руках, а потом сомкнулась между двумя шатрами.

Мирослав перевёл взгляд на счёты. Первая костяшка не вернулась к исходному краю, но и не легла к закрытым долгам. Она застыла посредине: признание принято, последствие не исправлено.

Всё было правильно.

И всё же что-то тревожило его. Не слова Насты о Гордее — дядю он ожидал встретить с той минуты, как увидел семь указателей. Тревожил золотой свет. Обычно сила признания походила на жар под кожей или на внезапно вернувшееся дыхание. Видимой она становилась лишь при очень старом долге. Семь лет — срок немалый, но не такой, чтобы нити светились на виду у всей ярмарки.

Мирослав осмотрел место, где стояла Наста. В грязи блеснул круглый предмет. Он подумал, что это монета, и поддел его ногтем.

На ладони лежал тонкий стеклянный жетон, не больше пуговицы. Внутри дрожал крошечный золотой огонёк. Когда Мирослав поднёс жетон к уху, из стекла донёсся женский голос:

— Я выбрала лёгкую плату вместо нужного дела.

Голос принадлежал Насте.

Мирослав сжал жетон двумя пальцами. По стеклу пробежала трещина, но огонёк не погас. На обороте обнаружилась медная печать: две буквы, Г и Ч, соединённые долгвым крюком.

Старый знак Гордея Четы.

— Невозможно, — тихо сказал Мирослав.

Признание нельзя было отделить от признавшего. Можно было записать слова, повторить их, высечь на камне, но сила оставалась в человеке и действовала только через его посту-

пок. На этом держалась работа сборщика. На этом держалась разница между взысканием и дешёвым судилищем.

Жетон снова заговорил голосом Насты:

— Я выбрала лёгкую плату вместо нужного дела.

На этот раз слова прозвучали громче. Несколько прохожих повернули головы. У торговца напротив блеснули глаза.

— Продаёшь? — спросил он.

Это был сухой старик в шапке с бубенцами. На его прилавке лежали кошельки, каждый с пришитой биркой: «Стыд за трусость», «Вина за опоздание», «Раскаяние мужа, почти новое».

— Нет.

— Тогда покупаю.

— Не продаётся.

— На ярмарке продаётся всё, если предмет уже получил цену.

Старик бросил на прилавок серебряную пластинку. Стекланный жетон дёрнулся в пальцах Мирослава. Золотой огонёк внутри вытянулся к серебру.

Мирослав сунул находку во внутренний карман и застегнул его на две пуговицы.

— Чужое признание не товар.

— Было не товаром, пока его не вынули, — сказал старик.

— Теперь это вещь. За вещь можно платить.

— Кто вынул?

— Тот, кто умеет.

— Гордей Чета?

Бубенцы на шапке старика звякнули без движения.

— За имя тоже платят, сборщик. Особенно если произнести его там, где оно в долгу.

Счёты в руке Мирослава резко потяжелели. Он едва не выронил их. Пустая тридцать первая строка на списке потемнела, и на бумаге проступила первая буква — М.

Мирослав прижал лист большим пальцем. Чернила расплзлись, будто буква была написана на воде, но не исчезли.

— Сколько таких жетонов прошло через твою лавку?

— Сегодня? — Старик задумался. — Девять. За прошлые ярмарки не считал. Хороший товар редко задерживается.

— Кому продал?

— Хороший вопрос стоит дороже хорошего ответа.

— Я могу закрыть лавку до расчёта.

— Можешь. Тогда мои покупатели уйдут, а твои ответы останутся внутри.

Мирослав оглядел кошельки на прилавке. За бирками не чувствовалось ни тепла, ни железного привкуса настоящего признания. Пустые приманки. Но под локтем старика виднелся край деревянной коробки, обитой медью.

Сейчас можно было схватить коробку, потребовать список покупателей, позвать распорядителей. Так поступил бы городской пристав. Так поступал молодой Мирослав, когда впервые получил долговой крюк и решил, что должность делает любой его приказ законным.

Ярмарка не была городом. Здесь запрет превращал товар в редкость, а конфискованная вещь находила нового владельца раньше, чем сборщик успевал составить опись.

— Я вернусь, — сказал он.

— Все так говорят. Поэтому у меня хороший запас обещаний.

Мирослав отошёл от лавки. Стекланный жетон жёг грудь через ткань. На Северной дороге ещё виднелся золотой отсвет: Наста катила телегу к роднику, сохраняя силу при себе. Значит, жетон не забрал её признание полностью. Возможно, снял излишек. Возможно, сделал копию. Возможно, ждал, когда она исправит долг, чтобы вырвать силу целиком.

Ни один из вариантов не нравился Мирославу.

Он снял с пояса пустой мешочек для спорных платежей, положил туда жетон и трижды обмотал горловину красной нитью. На нити были завязаны узлы свидетеля: вещь найдена при взыскании, владелец не установлен, передача запрещена до разбора. Обычная ярмарочная мера. Стекланный кружок толкнулся изнутри, словно жук.

— Сиди, — велел Мирослав.

Мешочек ответил голосом Насти:

— Я выбрала лёгкую плату.

— Вот именно.

Он прикрепил мешочек к раме счетов и сдвинул вторую костяшку.

На списке загорелось имя следующего должника. Но од-

новременно из тридцать первой строки выступила вторая буква — И.

МИ.

До полного имени оставалось семь букв. До рассвета — одна ночь.

Мирослав поднял голову. За крышами шатров, у западных ворот, вспыхнул медный огонь. Толпа разом качнулась туда, как трава под ветром. Зазвенели монеты, кто-то закричал от восторга, и над ярмаркой поднялся голос, усиленный рупором:

— Признанная ошибка сильнее оберега! Покупайте возможность исправить то, в чём сами не виноваты!

Голос был не Гордея, но слова принадлежали ему. Мирослав узнал бы эту ровную, безупречную торговую формулу среди тысячи криков.

Семь лет назад дядя учил его: никогда не беги к самому громкому долгу. Сначала закрой тот, который уже держишь в руках.

Мирослав посмотрел на Северную дорогу, где Наста везла воду к пересохшему колодцу. Потом — на медный свет у западных ворот. Затем снова на список.

Он двинул вторую костяшку до упора.

— Один долг за другим, — сказал он, хотя счёты не спрашивали. — Но теперь я буду считать и то, что продают между строк.

Медная рама потеплела. Пустая строка приняла ещё кап-

лю чернил, однако третьей буквы пока не показала.

Ярмарка шумела вокруг, яркая и голодная. Ночь только началась.

Глава 2. Ошибка как монета

Второй должник торговал карманами.

Не кафтанами и не штанами, а именно карманами: глубокими для людей с тайнами, дырявыми для тех, кто хотел избавиться от мелочи, внутренними для писем, которые нельзя находить. Карманы висели рядами на верёвках и шевелились, когда мимо проходил человек с подходящей вещью.

Хозяина звали Савва Крой. Семь лет назад он пообещал домовому старой портняжной мастерской не выбрасывать последний хозяйский напёрсток. Потом дом снесли, Савва перебрался на другой конец города, а напёрсток оказался здесь, на прилавке, с ценником в три серебряных.

— Не продан, значит, долг не нарушен, — заявил Савва, увидев счёты.

Он был кругл, быстр и весь утыкан иглами. Даже борода держалась у него на двух булавах, чтобы не лезла в работу.

— Ты обещал не выбрасывать, — сказал Мирослав. — Почему продаёшь?

— Продажа не выбрасывание.

Из-под прилавка донёсся сердитый стук. Домовой сидел в деревянном ящике из-под ниток и не мог выйти: ярмарка считала его частью снесённого дома, а части дома полагалось перевозить только владельцу.

— Он выставил меня рядом! — пискнул дух. — Меня за

пять серебряных, напёрсток за три. Оптовому покупателю скидка!

— Скидка была из уважения, — обиделся Савва.

Мирослав положил список рядом с напёрстком. Вещица была медная, потёртая, с вмятиной на боку. Никакой магии в ней не чувствовалось. Обычный инструмент, переживший хозяйку и дом.

— Зачем обещал хранить? — спросил Мирослав.

— Покойная мастерица Аглая меня учила. Домовой попросил оставить память, я согласился.

— Зачем принёс на ярмарку?

— Здесь за память хорошо платят.

Костяшка сдвинулась на половину деления и остановилась.

Савва покосился на медную раму.

— Что ей ещё надо? Я сказал правду.

— Правду сказал. Ошибку — нет.

— Моя ошибка в том, что цену поставил низкую. Вещь известной мастерицы, ручная работа.

Домовой в ящике зашипел.

— Не торопись, — предупредил Мирослав. — Если назовёшь удобную ошибку вместо настоящей, ярмарка может дать силу исправлять именно её. Поднимешь цену так, что сам не снимешь.

Савва убрал руку от ценника.

Вокруг прилавка собирались люди. Слух о взыскании раз-

летался быстрее запаха еды. Одни хотели увидеть чудо, другие надеялись подобрать слова для собственных долгов. Мирослав заметил среди зрителей сухого торговца в шапке с бубенцами. Тот держался далеко, но деревянная коробка, обитая медью, теперь висела у него на ремне.

— Я обещал в плохой день, — сказал Савва. — Дом рушили, хозяйку похоронили. Хотел, чтобы дух отвязался.

Счёты не шелохнулись.

— И что ты сделал семь лет спустя?

Портной посмотрел на напёрсток, потом на покупателей.

— Решил, что обещание старому дому не действует в новой лавке.

Костяшка двинулась ещё немного.

— Точнее.

— Решил продать память о человеке, который уже не может спросить с меня цену.

Медь звякнула. На пальцах Саввы вспыхнули золотые нити.

В тот же миг мешочек со стеклянным жетоном дёрнулся на раме счетов. Красная нить натянулась, узлы свидетеля один за другим почернели. Мирослав сорвал мешочек прежде, чем тот лопнул, и прижал к прилавку.

Изнутри голос Насты произнёс:

— Я выбрала лёгкую плату вместо нужного дела.

Золотой свет с рук Саввы потянулся не к напёрстку, а к мешочку.

— Руки на прилавок! — приказал Мирослав.

— Я ничего не делаю!

— Потому и положи.

Савва подчинился. Золотые нити вытянулись дальше, прошли через ткань и коснулись стекла. Жетон нагрелся так, что под ним задымилась доска.

Мирослав разрезал красную нить долговым ножом. Мешочек раскрылся. Стекланный кружок выскочил и покатился между катушками. Внутри него теперь горели два огонька: прежний и новый.

— Я решил продать память о человеке, который уже не может спросить с меня цену, — сказал жетон голосом Саввы.

Толпа ахнула.

Сам Савва побелел.

— Я этого туда не говорил.

— Ты говорил рядом, — ответил Мирослав.

Сухой торговец развернулся и пошёл прочь.

Мирослав запомнил направление, но не погнался. Сначала он накрыл жетон медной чашкой для пуговиц. Стекло запрыгало под ней, повторяя два признания попеременно. Каждый удар отдавался в счётах.

— Что теперь? — спросил портной. — Сила у меня осталась?

Золотые нити на его пальцах потускнели, но не исчезли.

— Осталась часть. Исправляй долг сейчас.

Савва снял ценник с напёрстка.

— Я оставлю его себе.

Костяшка не сдвинулась.

— Обещание было хранить, — сказал Мирослав, — но твоё последствие не в том, что вещь сменила полку. Ты превратил память в товар, потому что никто не мог возразить.

Домовой высунул из ящика нос.

— Пусть отдаст в школу. Аглая хотела учить девчонок шить, да не успела.

— Ты это сейчас придумал, — буркнул Савва.

— Сейчас вспомнил.

Мирослав не стал решать за них.

— Кто вправе принять исправление от имени Аглаи?

Домовой надул щёки.

— Я дом хранил.

— Дом снесён.

— Ученики остались, — нехотя признал дух. — Трое. Савва четвёртый.

— Тогда напёрсток останется у всех четверых. Не как товар. Решите вместе, где его хранить и кому им пользоваться.

Савва поморщился.

— Двое учеников со мной не разговаривают.

— Теперь есть повод начать.

Он взял напёрсток. Золотые нити впитались в медь, и на вмятине проступили четыре крошечные насечки. Костяшка передвинулась к закрытым долгам, но остановилась за палец до края.

— Когда договоритесь, счёт закроется, — сказал Мирослав.

— До рассвета я их где найду?

Домовой захихикал.

— На ярмарке. Один торгует ножницами, которые режут разговоры. Вторая покупает ткань для свадебного платья внучки.

— А третий?

— Ты.

Савва вздохнул, спрятал напёрсток в нагрудный карман и снял ящик с домовым с продажи.

Мирослав поднял чашку. Жетон лежал неподвижно. Два огонька внутри сплелись, хотя признания касались разных ошибок и разных людей.

Это была не копия. Стекло тянуло силу из всякого точного признания поблизости.

— Сборщик, — позвал домовый. — У тебя имя на счётах проступает.

В пустой строке появилась третья буква.

МИР.

Мирослав завернул жетон в лист свинцовой фольги с прилавка Саввы. Голоса стихли, но золотое тепло пробивалось наружу.

— Где взял такую вещь? — спросил портной.

— Нашёл после первого взыскания.

— Выбрось.

— Тогда найдёт другой.

— Разбей.

— Пока не знаю, куда уйдёт то, что внутри.

Домовой втянул воздух носом.

— Пахнет перекрёстным железом. Такие штуки на обычной наковальне не делают.

— На какой делают?

— На той, у которой четыре молота и ни одного кузнеца.

Савва перекрестился иглой.

— Станок отделения, — прошептал он. — Про него семь лет назад говорили. Будто можно снять с человека раскаяние, чтобы он не мучился.

— Где говорили?

— В западном ряду. Гордей тогда скупал старые прессы, винты, медные формы. Я продал ему ножную педаль от вышивального станка.

— Почему раньше не сказал?

— Ты раньше не спрашивал.

Ответ был честным и совершенно бесполезным для самолюбия. Мирослав записал показание на обороте списка, дал Савве приложить палец и позвал распорядителя. Явился тот же низенький человек в сером кафтане.

— Спорный платёж, — сказал Мирослав. — Вещь собирает признания без согласия владельцев. Нужен закрытый ящик до разбора.

Распорядитель осмотрел свинцовый свёрток.

— В реестре нет такого товара.

— Значит, тем более изолируй.

— В реестре нет такого нарушения.

— Из человека вынимают часть силы.

— Люди ежедневно продают силу рук, глаз и терпения.

Ярмарка не различает красивые слова.

— Признание действует только через того, кто его произнёс.

— Судя по твоему свёртку, уже нет.

Мирослав стиснул раму счетов.

— Ты не примешь вещь?

— Приму как товар на хранение. Пошлина — одно признание за каждый час.

— Оно как раз признания и ест.

— Удобно.

Распорядитель снова моргнул снизу вверх. Мирослав понял, что спорить бесполезно. Духи следили за обещаниями и правилами места, но не различали справедливость. Если вещь не была запрещена при открытии ярмарки, они не запретят её посреди ночи только потому, что человеку стало страшно.

— Тогда засвидетельствуй отказ принять опасный предмет без платы, — сказал он.

— Свидетельствую.

На списке возникла серая печать.

— И ещё: кто вписал тридцать первый долг?

— Тот, кто внёс обеспечение.

— Гордей Чета?

— Имя вносителя закрыто до наступления срока.

— Когда срок?

— Когда строка назовёт должника.

— Она пишет моё имя.

— Пока она написала три буквы. Людей на «Мир» много.

— Людей с моими счётами меньше.

— Это не доказательство. Это тревога.

Распорядитель исчез в толпе так быстро, словно его сложили вместе с серым кафтаном.

Мирослав вернул свёрток в мешочек и завязал уже не свидетельским, а долговым узлом. Такой узел нельзя было развязать, не назвав владельца вещи. Вместо владельца Мирослав произнёс:

— Не установлен.

Нить затянулась, однако один конец остался свободным. Ярмарка не любила пустых мест.

Савва уже закрывал прилавок.

— Куда ты?

— Искать остальных учеников. Ты сам велел.

— Лавку оставишь?

Портной посмотрел на сотни карманов.

— Если украдут, значит, карманы нашли лучшие штаны.

Он посадил домового на плечо и ушёл. Мирослав проводил их взглядом. Второе взыскание оказалось незавершённым.

ным, но двигалось верно: человек сам принял работу, дух получил право участвовать, память перестала быть товаром.

А жетон забрал часть силы, хотя Мирослав стоял рядом и держал его связанным.

На месте сухого торговца осталась серебряная пластинка. Мирослав поднял её через край перчатки. На одной стороне был выбит западный шатёр, на другой — число девять.

Продавец говорил, что сегодня через его лавку прошло девять жетонов. Пластинка могла быть номером покупки, пропуском или приглашением.

— Хороший вопрос стоит дороже хорошего ответа, — повторил Мирослав.

Он положил серебро отдельно от жетона и двинулся по ряду. Сухой старик успел далеко, но бубенцы выдавали его среди общего шума. Мирослав шёл не спеша. Погоня заставила бы продавца скрыться; уверенность покупателя могла привести к складу.

Старик свернул между лавкой забытых снов и палаткой, где меняли возраст лошадям. Там его ждал мужчина в дорожном плаще. Лица Мирослав не видел. Покупатель отдал старцу две серебряные пластинки, получил деревянную коробочку и сразу спрятал её за пазуху.

Старик указал в сторону Мирослава.

Покупатель обернулся.

Это был городской караульный десятник Лавр Чечётка. Мирослав знал его по долговой тюрьме: Лавр дважды помо-

гал выводить людей, которых приставы держали дольше назначенного срока, а потом трижды отказывался свидетельствовать против начальника.

— Мирослав? — удивился десятник. — Тебя Гордей уже ищет.

— Что купил?

Лавр прижал локоть к груди.

— Оберег.

— От чего?

— От последствий.

— Чьих?

Караульный отвёл взгляд.

Стеклянный жетон в мешочке толкнулся. Даже через свинец он почуял ошибку, ещё не произнесённую вслух.

— Не открывай коробку, — сказал Мирослав.

— Поздно.

Под плащом Лавра вспыхнул золотой свет. Десятник выпрямился, будто невидимая рука потянула его за ворот. На его лице исчезла усталость. Исчез страх. Он схватил стоявший рядом столб и без усилия вырвал из земли.

Вместе со столбом рухнула верёвка с фонарями. Один разбился, масло выплеснулось на полог лавки. Пламя побежало вверх.

— Я могу исправить, — сказал Лавр с восторгом. — Всё могу исправить.

Он шагнул к огню, но золотой свет метнулся в сторону.

Сила искала не пожар, а последствие той ошибки, которую когда-то признал неизвестный человек.

Лавр ударил кулаком по соседней стене. За полотном что-то треснуло, и женский голос закричал от боли.

— Стой! — Мирослав перехватил его руку.

Его отбросило на прилавок. Карманы над головой шарахнулись в стороны.

Лавр даже не заметил удара. Он рванул полог, вытащил из лавки перепуганную женщину и потащил её к огню.

— Отпусти её!

— Она должна была выйти раньше, — проговорил десятник чужим голосом. — Я опоздал. Теперь не опоздаю.

Жетон нёс признание человека, который однажды не успел кого-то спасти. Он дал Лавру силу исправить опоздание, но не мог вернуть прежнюю минуту. Поэтому выбрал ближайшего непричастного человека и ближайшую опасность.

Мирослав ударил медными счётами по деревянной коробочке за пазухой десятника.

Крышка раскололась. Стекланный жетон выпал на землю. Внутри горел один алый огонёк.

Лавр ослабил хватку. Женщина вырвалась. Мирослав наступил на жетон каблуком, не ломая, а прижимая к камню.

— Назови свою ошибку! — крикнул он десятнику.

— Какую?

— Ту, ради которой ты купил силу.

Лавр смотрел на пожар. Торговцы уже набросили на полог мокрую кошму. Огонь шипел и гас.

— Я трижды промолчал о начальнике, — сказал десятник. — Он держит должников после срока и берёт с семей деньги за освобождение. Я помог двум выйти тайком, чтобы считать себя хорошим, но не выступил открыто, потому что боялся потерять место.

На его руках вспыхнули собственные золотые нити. Они столкнулись с чужим светом, вырвали его из тела и загнали обратно в прижатое стекло.

Лавр упал на колени.

— Сила теперь твоя, — сказал Мирослав. — Она не исправит чужое опоздание. Что исправляет твоя ошибка?

Десятник тяжело дышал.

— Молчание. Мне надо назвать имена тех, кого держат незаконно. И имя начальника.

— Назовёшь управе при свидетелях.

— До рассвета?

— Сейчас запишешь показание. До рассвета найдём двух городских свидетелей. После ярмарки пойдёшь со мной.

Лавр поднял глаза.

— А если меня выгонят?

— Признание даёт силу исправить последствие. Жалованье оно не сохраняет.

Десятник кивнул. Восторга на его лице больше не было. Зато появилась та же собранность, которую Мирослав видел

у Насты.

Сухой торговец исчез. На месте сделки остались только три бубенца и отпечаток узкого каблука, направленный к западным воротам.

Мирослав поднял второй жетон щипцами из лавки карманов и завернул отдельно. Теперь у него было доказательство, покупатель и ясное последствие: чужая сила не слушалась владельца, а насильно подбирала похожую беду.

На тридцать первой строке появилась четвёртая буква.
МИРО.

Мирослав посмотрел туда, где над шатрами горел медный свет Гордеевой торговли.

Ошибка стала монетой. Монета уже переходила из рук в руки. И всякий, кто покупал её, думал, что приобретает возможность исправить прошлое, не понимая: чужое прошлое будет исправлять его руками.

До рассвета оставалось достаточно времени, чтобы закрыть тридцать один долг.

Но уже недостаточно, чтобы делать вид, будто это единственный счёт.

Глава 3. Лавка добрых оправданий

Лавку добрых оправданий Мирослав узнал по очереди.

Перед прилавком стояли люди, которые ни в чём не были виноваты. Один поднял цену на муку, потому что зима оказалась длинной. Другая не приехала к больной сестре, потому что колёса на дороге могли сломаться. Третий продал соседскую корову, потому что корова всё равно смотрела на него без уважения. Каждый входил под зелёный полог согнутым, а выходил прямее, легче и на две серебряные монеты беднее.

Над входом висела дощечка: «Причина найдётся для всякого поступка».

Под ней мелкими буквами было дописано: «Причина не возвращает денег».

Мирослав остановился напротив. Медные счёты тянули его дальше, к следующей строке списка, однако костяшка третьего долга дрожала и не двигалась. На ней было вырезано имя Захара Клинки, точильщика. Долг гласил: вернуть духу Северного тракта семь искр, взятых для обогрева зимнего обоза. Срок истёк на прошлой ярмарке. В графе исполнения стояла свежая зелёная печать.

Долг считался оплаченным.

Счёты считали иначе.

Мирослав поднял раму к свету. Зелёная печать была на-

стоящей: круглая, с веткой полыни по краю и знаком ярмарочного свидетеля в середине. Но костяшка не дошла до закрытой стороны на ширину ногтя. Такое случилось, когда должник исполнил обещание не полностью или когда взыскатель принял не то, что ему причиталось.

Из лавки вышел Захар Клинок. Мирослав знал его по городскому мосту: точильщик ставил там колесо с педалью и уверял, что может вернуть остроту даже семейной ссоре. Сейчас на его поясе висели ножи, ножницы и маленький топор, а на лице сияло облегчение человека, которому только что доказали, что он имеет право не смотреть назад.

— Захар.

Точильщик вздрогнул и схватился за кошель.

— Уже заплатил.

— Кому?

— Кому надо.

— Духу Северного тракта?

— Его поверенному.

— Как выглядел поверенный?

— Обыкновенно. Высокий. Или низкий. Под капюшоном не разберёшь.

Мирослав показал строку.

— Семь искр ты взял у духа. Что вернул?

Захар отвёл глаза к зелёному пологу.

— Семь искр.

— Откуда?

— Какая разница? Искра есть искра.

В мешочке у Мирослава толкнулся один из стеклянных жетонов. Свинцовая обёртка зашуршала, словно внутри скреблась мышь. Точильщик услышал и отступил.

— Ты принёс сюда отделённое признание, — сказал Мирослав.

— Не знаю таких слов.

— Тогда откуда у тебя зелёная печать?

— Купил оправдание, — огрызнулся Захар. — Законная торговля. Свидетель подтвердил, что я взял искры ради людей, а не ради себя. Значит, долг добрый. Добрые долги не взыскивают.

— Дорога так сказала?

— Хозяйка лавки объяснила.

— Дорога умеет объяснять сама.

Северный тракт проходил по ярмарке узкой полосой утоптанного снега. Вокруг горели жаровни, кричали зазывалы, продавцы разливали горячую патоку, но снег не таял. Семь лет назад Захар сопровождал зимний обоз. Он обещал вернуть духу искры после перевала, однако оставил их в точильном колесе. С тех пор его железо дольше держало остроту. Мирослав видел это в ведомости.

— Я спас двадцать человек от холода, — сказал Захар. — Разве это ошибка?

— Взять искры было не ошибкой. Не вернуть — было.

— Колесо кормило моих детей.

— Это причина.

— Вот именно.

— Причина отвечает, почему ты сделал. Долг отвечает, что ты теперь обязан сделать. Они не спорят друг с другом.

Лицо точильщика опять стало тяжёлым. Он посмотрел на полог, будто хотел вернуться за новой порцией лёгкости.

— Печать есть, — упрямо сказал он. — Взыскание закрыто.

— Тогда пойдём к дороге.

— Сейчас?

— До рассвета у неё других приёмных часов не будет.

Захар не двинулся. Мирослав взялся за третью костяшку и потянул её к закрытой стороне. Медь обожгла пальцы. Из-под снега донёсся протяжный скрип полозьев.

— Дух не принял платёж, — сказал Мирослав. — А кто-то поставил печать от его имени. Если останешься здесь, на первом луче дорога взыщет обещанное сама.

— Как?

— Семь искр находятся в твоём колесе. Возможно, заберёт их вместе с колесом. Возможно, вместе с тем, что колесо кормило. Духи не определяют справедливость, Захар. Они исполняют слова буквально.

Точильщик прикрыл рукой ножи на поясе.

— Хозяйка сказала, что добрая причина меня защищает.

— Она поедет с тобой на Северный тракт, когда тот придёт за платой?

Захар выругался, но пошёл рядом.

Внутри лавка оказалась просторнее полога. На полках стояли глиняные банки с надписями: «Семья», «Страх», «Не было выбора», «Все так делают», «Он начал первым». Самая большая банка называлась «Я хотел как лучше». Она была почти пуста.

За прилавком сидела женщина в зелёном платье. Волосы её были собраны двумя костяными гребнями, похожими на ладони. Перед ней лежали весы. На одну чашу посетитель клал поступок, на другую женщина подбирала причину. Когда чаши уравнивались, она выдавала расписку.

— Сборщики обслуживаются без очереди, — сказала она. — Но платят вдвое.

— Ты хозяйка?

— Веста Доброслов. Толкую причины, смягчаю формулировки, возвращаю человеку уважение к себе. Всё по ярмарочной грамоте.

— Кто дал тебе право закрывать долги духов?

Веста посмотрела на Захара.

— Опять сомневаешься? Мы ведь всё взвесили. Ты спас обоз. Ты сохранил ремесло. Ты вырастил детей. Семь искр не стоят двадцати жизней.

— Долг не про цену жизней, — сказал Мирослав. — Он обещал вернуть взятое.

— Вы, сборщики, ужасно любите глаголы и совершенно не любите людей.

— А ты любишь людей по две монеты с человека.

— По одной. Вторая — свидетельская пошлина.

Она указала на край прилавка. Там сидел маленький дух в зелёной шапке и ставил печати. Вместо лица у него была круглая восковая подушечка. Мирослав наклонился. В середине воска виднелась ветка полыни.

— Как тебя зовут?

— Свидетель Смягчающего Обстоятельства, — ответил дух голосом, похожим на шорох бумаги.

— Ты видел, как Захар вернул семь искр Северному тракту?

— Я засвидетельствовал, что его причина была доброй.

— Я спросил не это.

— Я свидетельствую обстоятельства, а не события.

— Обстоятельство не принимает платёж.

Дух пожал плечами, и печать на его лице качнулась.

Веста сложила руки на груди.

— В ярмарочной грамоте сказано: признанный свидетелем платёж закрывает взыскание.

— Покажи.

Она достала из ящика лист телячьей кожи. Нужная строка была обведена зелёным. Мирослав прочитал её дважды.

— Здесь сказано: «платёж, признанный свидетелем». Твой дух признал не платёж, а причину.

— Причина определяет добросовестность платежа.

— Но не создаёт сам платёж.

— Семь искр были внесены.

— Кем?

Веста едва заметно коснулась большого гребня. По зелёному пологу пробежала рябь. Посетители разом притихли.

— Клиент приобрёл равноценное возмещение, — сказала она.

— Где?

— В соседнем заведении.

— У сухого торговца с бубенцами?

— На ярмарке много сухих торговцев. Сырость портит товар.

Мирослав положил на прилавок серебряную пластинку с числом девять.

Веста не взяла её. Глаза её задержались на знаке западного шатра всего на миг, но весы качнулись. Чаша с надписью «Не было выбора» опустилась.

— Девятый шатёр продаёт признания, — сказал Мирослав. — Ты превращаешь их в поддельные платежи. Как?

— Осторожнее со словами. Подделка запрещена. Перенос силы — нет.

— Значит, переносишь.

— Я сказала только то, что сказала.

Мешочек на поясе снова дёрнулся. Веста услышала. На этот раз она не скрыла страха.

— Унеси это отсюда.

— Почему?

— Банки могут открыться.

— В них настоящие причины?

— Разумеется.

— Тогда почему они боятся настоящего признания?

Веста встала.

— Моя работа нужна людям. Вина без причины превращается в кнут. Человек ошибается не в пустоте. Его толкают голод, страх, семья, чужой приказ, прежняя обида. Ты приходишь со списком и делаешь вид, будто достаточно назвать поступок.

— Недостаточно, — сказал Мирослав. — После признания надо исправлять последствие.

— А если невозможно?

— Тогда долг остаётся долгом.

— Навсегда?

— Иногда.

— Какая удобная жестокость.

Мирослав посмотрел на очередь. Люди слушали. Некоторые сердито, некоторые испуганно. Среди них стояла пожилая женщина с пустой клеткой, мальчишка с обгоревшей рукавицей и толстый купец, прятавший под плащом чужую вывеску. Всем хотелось услышать, что причина уничтожает последствие. Мирослав понимал это желание. Он сам годами записывал признание рядом с суммой и считал работу законченной, когда медь передвигалась вправо.

— Причина важна, — сказал он. — Она может изменить

способ исправления. Может показать, что обещание было вырвано угрозой и долга вообще нет. Может объяснить, почему человек не успел. Но если из-за его поступка кто-то остался без воды, дома или имени, хорошая причина не возвращает воду, дом или имя.

— Красиво, — сказала Веста. — Бесплатно и потому особенно дорого.

Захар кашлянул.

— А мои искры?

— Покажи платёж, — потребовал Мирослав.

Точильщик вынул из-за пазухи зелёный конверт. Внутри лежал стеклянный жетон размером с ноготь. Огонёк в нём был бледнее тех, которые Мирослав уже видел. На поверхности нацарапали семь коротких лучей.

— Не открывай, — сказала Веста.

— Он уже открывал, — ответил Мирослав.

На пальцах Захара виднелись золотистые ожоги.

— Что произошло?

Точильщик молчал.

— Он внёс возмещение, — сказала Веста.

— Что произошло?

— Я положил жетон на снег дороги, — признался Захар.

— Он вспыхнул. Снег растаял, и дух сказал, что получил семь искр. Потом свидетель поставил печать.

— Какими словами дух принял их?

— Сказал: «Семь чужих искр вошли в мой снег».

— Не «долг уплачен»?

— Нет.

Мирослав развернул конверт щипцами. Жетон зазвенел. Изнутри донёлся мужской голос:

— Я оставил детей у холодной печи, потому что проиграл дрова и побоялся вернуться домой.

Захар отшатнулся.

Посетители у входа зашептались.

— Чужая ошибка, — сказал Мирослав. — Чужое признание. Чужая сила должна была исправить холод у чужой печи. Ты бросил её в снег дороги и назвал своими семью искрами.

— Но снег растаял.

— Потому что сила нашла холод. Дорога приняла семь чужих искр, не твой долг.

Костяшка на счётах ударилась о раму. Из-под пола донёлся гул колёс.

Веста схватила жетон, но Мирослав прижал конверт долговым ножом.

— Не трогай голой рукой.

— У меня защита.

— Из банки «Я хотела как лучше»?

Её губы побелели.

Вдоль прохода выросла полоса снега. Она прошла под ногами посетителей, достигла Захара и остановилась у его сапог. В лавке запахло дальним зимним лесом. Банки на полках задрожали.

— Северный тракт пришёл за ответом, — сказал Мирослав.

Из снега поднялся дорожный столб. На нём было вырезано: «До перевала — семь обещаний». Голос духа шёл из-под земли, из досок и из костей тех, кто стоял близко.

— Мне внесли чужие искры. Я принял их как чужие. Мне обещали семь моих.

Захар попятился к прилавку.

— Я спас твоих путников!

— Ты взял семь искр для обоза. Я дал. Ты обещал вернуть после перевала. Ты не вернул.

— Мне нечем.

— У тебя есть колесо.

Ножи на поясе точильщика зазвенели. Из каждого лезвия выступила крошечная голубая искра. Захар прижал ладони к животу, будто дух вытягивал тепло из него самого.

— Стой, — сказал Мирослав дороге. — Должник готов назвать ошибку и способ исправления.

— Я не готов! — крикнул Захар.

— Тогда я не могу остановить взыскание.

— Ты сборщик!

— Поэтому и не могу придумать признание за тебя.

Голубой свет стекал с ножей в снег. Ещё немного — и Северный тракт забрал бы все накопленные за семь лет искры вместе с ремеслом Захара. Буквально это соответствовало обещанию: точильщик сохранил взятое в колесе и размно-

жил огонь по металлу.

Захар посмотрел на Весту.

— Сделай что-нибудь.

— Твоя причина остаётся доброй, — сказала она, но голос её дрогнул.

— Мне не причина нужна! Мне колесо нужно!

— Причина не возвращает денег, — напомнил Мирослав, кивнув на вывеску.

Веста метнула в него злой взгляд.

Точильщик опустился на колени прямо в снег.

— Я оставил искры не ради детей, — сказал он. — То есть ради них тоже. Сначала. Но через год старшая дочь уже работала, через три сын открыл свою мастерскую. Я мог вернуть огонь. Не вернул, потому что с ним мои ножи были лучше чужих. Я рассказывал себе про обоз и детей, чтобы не признавать, что мне понравилось выигрывать нечестно.

Слова прозвучали без торжественности. Захар морщился, будто сам точил себя о грубый камень.

На его ладонях вспыхнули золотые нити. Они потянулись не к жетону и не к дорожному столбу, а к ножам. В каждом лезвии голубая искра отделилась от металла. Одна, вторая, третья. Семь искр собрались над его руками.

Колесо точильщика находилось где-то в дальнем ряду, но ярмарка сворачивала расстояния ради исполненного обещания. Между банками возник круглый точильный камень. В его сердцевине горело ещё множество слабых огоньков —

потомки тех семи, размноженные работой.

— Что возвращать? — спросил Захар. — Семь или все?

Северный тракт ответил:

— Обещаны семь.

Мирослав видел, как точильщик смотрит на остальные. Дух не требовал их. Список не требовал. Можно было отдать семь и сохранить преимущество, которое они породили.

— Все, — сказал Захар. — Семь я должен. Остальные выросли из того, что я присвоил.

Он сжал пальцы. Золотые нити вошли в камень и вытолкнули голубой огонь. Искры посыпались в снег. Их оказалось не семь, а сорок три. Каждая прожигала маленькую ямку и исчезала под белой коркой.

Точильный камень потемнел. Лезвия на поясе Захара сразу потускнели. Одно треснуло у рукояти.

Дорожный столб наклонился.

— Семь возвращены. Тридцать шесть подарены. Долг закрыт.

Третья костяшка с чистым медным звоном дошла до края.

Мирослав повернул список к Весте.

— Вот закрытый платёж.

Зелёная печать на строке расплылась и исчезла. Дух-свидетель за прилавком пискнул. Восковое лицо у него треснуло от края до середины.

— Я ставил правильные печати, — забормотал он. — Мне показывали внесённое. Я свидетельствовал обстоятельства.

— Ты позволял использовать твою печать как подтверждение события, которого не видел, — сказал Мирослав.

— Формулировка допускает.

— А трещина?

Дух потрогал лицо.

— Формулировка не допускает.

Он снял зелёную шапку и положил на прилавок. На внутренней стороне была пришта серебряная пластинка с цифрой девять.

— Откуда это? — спросил Мирослав.

— Пропуск в западный шатёр. Хозяйка получает пустые жетоны, а я — право свидетельствовать их внесение.

— Пустые? — переспросил Захар.

— Они были пустыми, когда их приносили сюда, — сказал дух. — Хозяйка наполняла их подходящими признаниями из банок.

Все посмотрели на полки.

Веста встала перед ними.

— В банках причины, не признания.

— Открой одну, — сказал Мирослав.

— Это доверительные сведения клиентов.

— Тогда откроет владелец.

Он повернулся к очереди.

— Чья банка «Семья»?

Ответили сразу шестеро.

— Вот видишь, — сказала Веста. — Нельзя разделить.

— Потому что ты смешала их.

Мирослав взял с полки маленькую банку «Он начал первым». Внутри перекатывались голоса. Они не произносили точных ошибок. Они повторяли обрывки: «меня вынудили», «иначе было нельзя», «любой поступил бы так же». Среди них иногда вспыхивала ясная фраза, и тогда на стекле проступала золотая капля. Именно эти капли Веста могла переносить в пустые жетоны.

— Ты собираешь всё, что говорят клиенты, — сказал Мирослав. — Если человек случайно называет точную ошибку, лавка отделяет признание. Оправдание он уносит, а силу ты продаёшь через девятый шатёр.

— Я не продаю. Я получаю долю.

— Очень важное различие для кошелька.

Веста вскинула подбородок.

— Люди приходят добровольно.

— Они знают, что ты забираешь точные слова?

Она промолчала.

— Они знают, что эти слова заставят покупателя исправлять чужое последствие?

— Мы подбираем похожие долги.

— Как Захарову дорогу и чужую холодную печь?

— Холод к холоду. Семь искр были внесены. Дух их принял.

Северный тракт загудел под полом.

— Как чужие, — повторил он.

Банки задребезжали. Посетители отхлынули к выходу. Пожилая женщина с пустой клеткой осталась на месте.

— Я заплатила тебе за оправдание, — сказала она Весте.

— А ты что у меня забрала?

— Ничего, что принадлежало бы тебе как вещь.

— Тогда верни.

— Нельзя вернуть слова, не разрушив порядок хранения.

— Какой удобный порядок.

Женщина сняла с полки банку «Страх» и прижала к груди. Внутри заговорили десятки голосов. Веста потянулась к ней, но Захар встал между ними.

— Пусть забирают, — сказал он.

— Они разобьют лавку.

— Хорошая причина.

Мирослав ударил рукоятью долгового ножа по прилавку.

— Никто ничего не разбивает. Если смешанные признания вырвутся разом, сила начнёт искать последствия вокруг. Мы уже видели, что тогда бывает.

Он попросил каждого посетителя назвать только имя и банку, к которой тот говорил. Дух-свидетель записывал. Веста сначала отказывалась, потом увидела трещину на его лице и принесла книгу клиентов. Имена в ней были заменены причинами: «голод», «ревность», «приказ старшего», «ради детей». Мирослав заставил её вспомнить лица и вписать настоящие имена рядом.

— Это разглашение, — процедила она.

— Нет. Книгу получит распорядитель под печать. Людям вернут их слова после разделения.

— Распорядитель потребует пошлину.

— Уже потребовал одно признание за час хранения.

— Значит, всё съест.

— Не отдам ему банки. Опечатаю лавку как незавершённое взыскание.

— У тебя нет долга на моё имя.

Мирослав посмотрел на медную раму. Третья строка была закрыта. Следующая относилась к другому должнику. Веста была права: сборщик не мог объявить взысканием всякую несправедливость, которую заметил.

Зато у него оставался поддельный платёж.

Он взял зелёный конверт Захара и положил рядом с книгой.

— Этот платёж провели через твою лавку. До разбирательства всё, что участвовало в нём, становится доказательством: жетон, печать, книга и место, где его изготовили.

Дух-свидетель кивнул.

— Формулировка допускает.

Мирослав обвязал полки одной медной нитью. Свободный конец протянул через прилавок и закрепил на треснувшей зелёной печати. Банки перестали дрожать. Теперь ни одно признание нельзя было вынести отдельно: при попытке нить звякнула бы на его счётах.

— Лавка продолжит работать? — спросила Веста.

— Причины толковать можешь. Банки не открывай, новые слова не собирай, платежей не закрывай.

— Тогда зачем ко мне придут?

— Возможно, чтобы понять себя, а не купить невинность.

Она рассмеялась коротко и зло.

— Ты правда думаешь, что людям нужно понимание?

— Нет. Я думаю, им чаще нужно облегчение. Но это разные товары, и ценники должны быть честными.

Захар поднял потемневший точильный камень. Теперь он был обычным, тяжёлым и щербатым.

— Чем я завтра буду кормиться?

— У тебя осталось ремесло.

— У других точильщиков камни лучше.

— Теперь узнаешь, насколько ты сам хорош.

Захар хотел ответить грубо, но только вздохнул.

— Ножи я точить умею. Наверное.

Он вышел из лавки. Полоса снега потянулась следом и растаяла у порога. Северный тракт унёс возвращённые искры.

Очередь рассеялась не вся. Пожилая женщина поставила банку «Страх» обратно и села ждать у полки. Мальчишка с обгоревшей рукавицей спросил Весту, можно ли получить причину без печати. Толстый купец тихо вернул чужую вывеску тому, у кого снял её час назад.

Веста раскрыла рот, чтобы произнести привычную цену,

потом посмотрела на медную нить.

— Без печати — полмонеты, — сказала она.

— За разговор? — удивился мальчишка.

— За весы. Разговаривать можешь бесплатно.

Мирослав забрал серебряную пластинку из шапки духа. Теперь у него было две. Если одна служила приглашением, вторая могла провести спутника или открыть внутреннюю дверь девятого шатра.

— Кто приносит пустые жетоны? — спросил он Весту.

Она долго поправляла книги на прилавке, хотя они уже лежали ровно.

— Человек в кожаном фартуке. Лица не показывает. На фартуке медная пыль.

— Когда приходит?

— После каждого третьего удара западного колокола.

— Сколько раз приходил сегодня?

— Дважды.

— Следующий?

С западной стороны ярмарки ударил колокол.

Один раз.

Над пологом вспыхнула медная полоса.

— Через два удара, — сказала Веста.

— Где шатёр?

— У западных ворот. Девятый от дороги, если считать большие. Он меняет место после каждого покупателя.

— Как его находят?

Веста указала на пластинки.

— Серебро тянется к серебру.

Мирослав положил обе на ладонь. Пластинки повернулись и легли острыми краями на запад. Теперь он чувствовал слабое движение, будто монеты хотели соскользнуть и покатиться сами.

— Гордей бывает там?

— Он владелец разрешения.

— Разрешения на что?

— На торговлю исправленной виной.

— Исправленной?

— Так написано в реестре. Не отделённой. Не украденной. Исправленной.

Вот зачем нужна была лавка. Гордей не продавал признания. По документам Веста смягчала обстоятельства, свидетель подтверждал платёж, а девятый шатёр торговал остатком уже исправленной вины. Каждое слово по отдельности выглядело законным. Ложь находилась не в словах, а в промежутках между ними.

Мирослав записал показание Весты на обороте списка. Она приложила палец не сразу.

— Если Гордей узнает, что я сказала, мне не дадут места через семь лет.

— Если не скажешь, через семь лет у людей снова будут забирать признания.

— Это не ответ на мой страх.

— Нет. Это последствие твоего выбора.

Она закрыла глаза и прижала палец к листу. Остался зелёный отпечаток.

Стеклянные жетоны на поясе Мирослава успокоились. Здесь больше не произносили точных ошибок, которыми они могли питаться. Люди называли причины, спорили с ними, сердились, но не отдавали хозяйке ясных слов.

На тридцать первой строке списка проявилась ещё одна буква.

МИРОС.

Мирослав провёл большим пальцем по имени. Медь была тёплой. За три взыскания строка узнала половину его имени. Если буквы появлялись после каждого закрытого или правильно начатого долга, времени оставалось меньше, чем показывало небо.

Второй удар западного колокола прокатился над шатрами. Серебряные пластинки дёрнулись на ладони.

У входа в лавку появился человек в кожаном фартуке. Его лицо закрывала маска из тонкой меди, а на рукавах осела красная пыль. В руках он держал деревянный ящик с пустыми стеклянными кружками.

Увидев Мирослава, человек бросил ящик.

Жетоны рассыпались по полу.

Все банки заговорили разом.

Человек метнулся под зелёный полог, но Мирослав успел заметить на его запястье татуировку: четыре молота вокруг

пустой наковальни.

Ту самую, о которой говорил домовой Саввы.

Мирослав не погнался. Он наступил на медную нить, удерживая полки, и накрыл ближайшие пустые жетоны зелёным конвертом. Сначала следовало не дать лавке взорваться чужими признаниями. Погоня могла подождать один вдох.

Третий удар колокола ещё не прозвучал.

А значит, человек в фартуке всё ещё должен был вернуться в девятый шатёр — туда, где Гордей Чета превращал добрые причины в дорогие чужие ошибки.

Глава 4. Дядя у западных ворот

Третий удар колокола застал Мирослава между зелёной лавкой и западным рядом.

Серебряные пластинки рванулись с ладони. Он сжал их в кулаке и побежал туда, куда они тянули. Ярмарка мешала: выдвигала прилавки, пускала навстречу стада деревянных коз, разливала под ноги горячий воск. Человек в кожаном фартуке мелькал впереди медной спиной и ни разу не оглянулся.

Западные ворота стояли на четырёх дорогах сразу. Под одной аркой лежал снег, под второй пылила летняя колея, под третьей блестела чёрная вода, а четвёртая уходила в траву, где светляки складывались в стрелки. Между дорогами теснились шатры. Мирослав насчитал восемь больших. Девятого не было.

Пластинки нагрелись. Одна повернулась ребром к арке, другая — к пустому месту между торговцем колёсами и палаткой гадалки.

Мирослав развёл их на ширину ладони.

Между серебряными краями натянулась тонкая дверь.

За ней стоял девятый шатёр.

Он был меньше, чем ожидал Мирослав: серый полог, низкая крыша, две медные лампы. Ни вывески, ни товара. Человек в фартуке нырнул внутрь, и дверь начала истончаться.

Мирослав вставил в щель раму счётов. Медь заскрежетала о серебро. Пластинки обожгли ладонь, но проход удержался.

— Приглашение на двоих, — произнёс невидимый привратник.

— Я один.

— Тогда заплати за отсутствующего.

— Чем?

— Его отсутствием.

Мирослав не любил договоры, в которых ответ звучал красивее смысла.

— Кто будет считаться отсутствующим?

— Тот, кого ты назовёшь.

Назови он Гордея — и ярмарка могла убрать дядю из шатра. Назови Насту или Лавра — и неизвестно, откуда их убьют. Можно было назвать умершего, но тогда дух потребовал бы доказать, что смерть и есть оплата.

— Второе место останется пустым, — сказал Мирослав.

— Я плачу пустым местом и не передаю ничьего отсутствия.

Привратник хмыкнул.

— Сборщик.

— Именно.

Дверь раскрылась.

В шатре пахло горячей медью и яблоками. Гордей Чета сидел за столом и резал красное яблоко на ровные дольки. В пятьдесят восемь он казался крепче многих молодых грузчиков: широкие плечи, короткая седая борода, ладони с тём-

ными следами металла. На нём был праздничный жилет с серебряной цепью распорядителя торгов. Такой жилет давал право открыть лавку, нанять свидетеля и требовать ярмарочного разбора.

У дальней стены человек в фартуке спешно закрывал деревянный ящик.

— Мирка, — сказал Гордей. — Опоздал на треть яблока.

— Не называй меня так.

— Почему? Я тебя так называл, когда ты помещался в мешке для угля.

— Тогда я не мог возразить.

— Теперь можешь. Это и называется взрослением.

Гордей подвинул ему блюдо. Мирослав не сел.

— Покажи руки, — потребовал он у человека в фартуке.

Тот прижал локти к бокам.

— Мой работник, — сказал Гордей. — В шатре он под моей защитой.

— Он принёс в лавку Весты пустые жетоны для отделённых признаний.

— Принёс стеклянные заготовки заказчику.

— На его запястье знак станка.

— У сапожников тоже бывают молотки. Не всякий молоток — преступление.

Мирослав положил на стол зелёный конверт с жетоном Захара.

— Этим закрыли долг Северному тракту.

— Значит, хорошая вещь.

— Долг не закрылся. Чужое признание о холодной печи выдали за семь дорожных искр.

Гордей перестал резать яблоко.

— Кто составлял пару?

— Веста.

— Плохо составила.

— Значит, ты признаёшь устройство торговли.

— Я признаю, что всякое ремесло бывает исполнено плохо. Если портной пришил рукав к вороту, ты же не запрещаешь одежду.

— Одежда не тащит непричастную женщину в пожар.

Мирослав достал второй опечатанный жетон и рассказал о Лавре. Гордей слушал внимательно, не перебивал и только один раз посмотрел на работника. Тот ещё сильнее втянул руки в рукава.

— Покупателя предупреждали не открывать коробку без подобранного долга? — спросил Гордей.

— Нет.

— Тогда сухой Тишка нарушил правило продажи.

— Правило продажи? Чужие признания вообще не должны продаваться.

— Покажи запрет.

— Признание даёт силу только тому, кто его произнёс.

— Давало. Мы нашли способ сохранить силу после отделения.

Гордей произнёс это с гордостью мастера, который построил первый мост через бурную реку. Так же он когда-то показывал племяннику медные счёты и объяснял, почему каждая костяшка должна ходить свободно.

— Сохранить? — Мирослав коснулся мешочка. — Жетон крадёт новые признания рядом. Покупатель исполняет чужую ошибку на случайном человеке. Это не сохранение.

— Первые колёса ломали ноги. Теперь на них ездят обобы.

— Пока ты совершенствуешь колесо, под ним лежат люди.

— Поэтому я и искал тебя.

Гордей вынул из жилета свёрнутый лист. На нём стояли три печати: распорядителя, западных ворот и свидетеля торгового остатка.

— Тридцать один долг можно свести за час, — сказал он. — Я дам жетоны, подходящие по веществу последствий. Огонь к огню, вода к воде, утрата к утрате. Ты проводишь платежи как сборщик. Ошибочные пары заменим. К полуночи список чист, должники свободны, духи получили обещанное.

— Чужое.

— Получили равноценное.

— Дорога различила.

— Дорога получила семь искр и захотела ещё семь, потому что духи жадны и буквальные. Ты сам это знаешь.

— Она получила чужие искры от чужого последствия. За-

харов долг остался.

— До тех пор, пока ты не поставил правильную печать.

— Я не ставлю печати вместо взыскателя.

Гордей вздохнул и отложил нож.

— Ты до сих пор думаешь, что твоя честность содержится в правильной бумаге.

— А твоя теперь содержится в слове «равноценное»?

Работник у стены тихо двинулся к выходу. Мирослав преградил ему путь рамой счётов.

— Руки.

— Оставь Ельца, — сказал Гордей. — Он мастер, не торговец.

— Мастер чего?

— Стекла.

— Четыре молота вокруг пустой наковальни — знак стекольщиков?

Елец поднял голову. Медная маска состояла из двух половин, соединённых тонкими петлями. За прорезями блестели испуганные глаза.

— Покажи, — повторил Мирослав.

Гордей постучал пальцем по столу.

— Он под моей защитой.

— Тогда отвечай за его работу.

— Отвечаю.

Слово едва успело прозвучать, как один из ящиков у стены раскрылся. Пустые жетоны подпрыгнули. Ярмарка при-

нимала обещания буквально: раз Гордей ответил за работу мастера, доказательства этой работы пожелали явиться.

Елец застонал.

— Я говорил, не произносить здесь.

Из ящика поднялась медная педаль. Мирослав узнал описание Саввы: широкая площадка с узором из переплетённых нитей. К ней тянулся ремень, уходивший под ковёр.

Мирослав дёрнул ковёр в сторону.

В центре шатра обнаружился люк.

— Открой, — сказал он.

— Нет, — ответил Гордей.

— Ты только что взял ответственность за работу.

— Взял. Но не обещал показывать мастерскую.

Мирослав присел и приложил ладонь к крышке. Под ней размеренно стучало: четыре быстрых удара, пауза, один тяжёлый. В такт каждому удару жетоны в мешочке нагревались.

— Станок работает сейчас.

— Ярмарочная ночь коротка.

— На чьих признаниях?

— На тех, которые люди оставили добровольно.

— Веста не говорила им, что забирает слова.

— Люди платили за облегчение. Они его получили.

— Не всякий оставленный мусор становится твоим товаром.

— Вина — не драгоценность.

— Тогда почему ты продаёшь её по три серебряных?

Гордей улыbnулся краем рта.

— По пять. Три получает посредник.

Такой ответ он давал в детстве Мирослава, когда хотел обезоружить прямоотой. Если мальчик ловил его на том, что он взял из котла лишний кусок мяса, Гордей признавался, что взял два. Правда становилась шуткой, а вопрос исчезал.

Теперь Мирослав не улыbnулся.

— Останови станок.

— Когда сведём список.

— Список не будет оплачен чужими ошибками.

— Тогда к рассвету половина должников останется здесь.

— Пусть исправляют своё.

— За одну ночь? — Гордей резко встал. — Один обещал построить мост, другая — вернуть урожай, третий — отдать семь лет службы. Ты видел список и знаешь, что это невозможно.

— Взыскание может определить начало исправления.

— А духи примут начало вместо результата?

— Если обещание допускает.

— Вот она, твоя добрая служба без долговых тюрем. Ты мечтаешь мирно взыскивать, но несёшь людям ту же клетку, только чисто вымытую.

Мирослав почувствовал удар точнее, чем хотел показать. Гордей знал о его плане открыть городскую службу. Именно дядя дал первые деньги на помещение и посоветовал за-

ручиться поддержкой управы. Без закрытого ярмарочного списка управа не выдаст разрешение. Если же до рассвета останутся должники, духи западных ворот могут удержать их на семь лет или переложить долг на поручителей.

— Поэтому ты заложил моё имя? — спросил Мирослав.

В шатре стало тихо. Даже станок под полом пропустил удар.

Гордей посмотрел на медные счёты.

— Строка уже пишется?

— «МИРОС».

— Быстро.

— Ты внёс обеспечение?

— Я обеспечил сведение списка.

— Моим полным именем.

— Иначе мне не дали бы разрешение. Ярмарка требует, чтобы за новый способ платежа отвечал сборщик.

— Ты сборщик.

— Был. Мои счёты закрыты семь лет назад.

— Значит, спросил бы меня.

— Ты бы отказался.

— И потому ты решил, что согласие лишнее.

Гордей снова сел. Впервые за разговор он выглядел старше своих лет.

— Я решил, что успею доказать безопасность раньше, чем обеспечение понадобится. Список закроется, строка сотрётся, имя останется твоим.

— А если нет?

— Поэтому я предлагаю помощь.

— Ты предлагаешь мне закончить твою торговлю, чтобы не платить за неё моим именем.

— Я предлагаю не губить людей ради красивого правила.

— Кто именно останется на ярмарке, если мы не сведём список?

Гордей отвёл взгляд к яблоку.

— Разные люди.

— Имена.

— У тебя ведомость.

— В моей ведомости только долги. Ты знаешь другое.

Мирослав понял это по тому, как дядя потянулся за ножом и не взял его. Гордей строил торговлю не ради одних денег. Деньги он любил, но никогда не путал их со срочностью.

— Что произойдёт на рассвете? — спросил Мирослав.

— Незакрытые обещания взыщут по обеспечению.

— По моему имени?

— Сначала по должникам. Потом по твоему имени.

— Почему список составлен так, чтобы его невозможно было закрыть обычным взысканием?

Елец у стены медленно опустился на ящик.

— Скажи ему, — пробормотал он.

Гордей метнул в мастера тяжёлый взгляд.

— Что сказать?

— Список покупали, — выпалил Елец. — Долги собира-

ли не для взыскания. Подбирали последствия к запасу признаний. Чтобы всё совпало по товарам.

Мирослав почувствовал, как рама счётов стала тяжелее.

— Кто покупал долги?

— Не знаю. Я строил станок.

— Гордей?

Дядя провёл пальцем по лезвию ножа.

— Я выкупал права требования. Законно. Должники получили отсрочку на семь лет.

— А сегодня ты продаёшь им чужую силу для оплаты долгов, которые сам собрал.

— Я даю выход.

— Сначала запер дверь.

— Дверь была заперта до меня. Обещания уже существовали. Я собрал их в одном месте, чтобы испытать новый расчёт.

— И поставил моё имя последним обеспечением.

— Тебе нужна закрытая ведомость. Мне нужен сборщик. Должникам нужен выход. Мы можем дать друг другу всё.

Гордей развернул лист с тремя печатями. Под ними оставалось место для четвёртой — знака медных счётов Мирослава.

— Один час, — сказал он. — Ты проверяешь пары. Ни одного случайного соответствия. Огонь возвращает огонь, утрата — утраченное, опоздание — пропущенное. Если жетон ведёт себя неверно, уничтожаем. К полуночи у тебя чи-

стый список. Утром управа открывает твою службу. Люди уходят домой. Моё разрешение становится образцом для следующей ярмарки.

Это звучало почти разумно. Самые опасные сделки всегда звучали почти разумно; неразумные никто не покупал.

— Признания вернут тем, кто их произнёс? — спросил Мирослав.

— Они уже получили облегчение.

— Это не ответ.

— Вернуть смешанные слова невозможно без риска.

— Тогда останови станок и больше не отделяй новые.

— После сведения.

— До.

— Ты ставишь чистоту рук выше людей.

— А ты снова подсовываешь мне только два выбора: принять твою торговлю или погубить должников. Есть третий — пересчитать каждый долг по настоящему последствию.

— До рассвета не успеешь.

— Тогда зачем ты дал мне тридцать один?

Гордей ничего не ответил.

Под полом ударили четыре молота. После паузы пришёл тяжёлый пятый удар. Один из пустых жетонов в открытом ящике наполнился золотым огоньком.

Мирослав схватил педаль и резко поднял её. Ремень натянулся. Снизу раздался треск, станок сбилсЯ и замолчал.

Елец вскочил.

— Нельзя останавливать на разделении!

Из люка донёлся крик. Не механический скрежет — человеческий голос.

— Кто там? — Мирослав бросился к крышке.

Гордей перехватил его за плечо.

— Отпусти педаль. Иначе признание разорвётся между человеком и стеклом.

— Ты говорил, люди оставили слова в лавке.

— Большинство.

Снизу снова закричали.

Мирослав прижал педаль до пола. Станок сделал последний тяжёлый удар. Золотой огонёк втянулся в жетон, а голос оборвался.

— Открой люк.

— Сейчас нельзя.

— Гордей.

— Внизу покупатель, который согласился снять собственное признание. Оно слишком тяжёлое, чтобы носить.

— Признание не вещь.

— Скажи это человеку, который семь лет не спит.

Мирослав приставил долговой нож к ремню.

— Если перережу, станок остановится навсегда?

— Если перережешь сейчас, можешь убить того, кто внизу.

Елец быстро кивнул.

— Сначала разомкнуть четыре молота. По одному. Потом

снять принимающее стекло. Иначе обратный удар.

— Сделаешь.

Мастер посмотрел на Гордея.

— Он под моей защитой, — повторил дядя.

— А человек внизу?

— Тоже.

— Тогда выведи его.

Гордей встал между Мирославом и люком.

— Подпиши сведение. После этого покажу мастерскую, покупателя и весь запас. Вместе исправим недостатки.

— Нет.

— Тогда уйди. Твоё приглашение закончилось с третьим ударом.

Полог шатра стал прозрачным. Серебряная дверь уже сужалась. Ярмарка признавала право владельца закрыть торговое место перед незванным проверяющим, если тот не предъявил отдельного взыскания.

Мирослав мог ударить дядю. Мог разрезать ремень и рискнуть человеком внизу. Мог остаться силой и потерять право вести остальные долги. Каждый быстрый путь требовал расплатиться кем-то другим.

Он забрал зелёный конверт и лист с предложением. Гордей не удерживал бумагу.

— До полуночи, — сказал дядя. — Потом условия изменятся.

— Моё имя тоже часть условий?

— Твоё имя — причина, по которой у нас ещё есть время.

— Нет. Моё имя — то, чем ты решил заплатить, не спросив.

Мирослав вышел через серебряную дверь. В последний миг Елец выдернул руку из рукава и показал запястье. Вокруг татуировки четырёх молотов шёл свежий ожог. Мастер беззвучно произнёс два слова:

«Пятый молот».

Дверь исчезла.

Мирослав оказался между восемью шатрами. В кулаке остались обе пластинки, но теперь они лежали холодно и никуда не тянули. За воротами четыре дороги расходились в разные времена года.

На медных счётах пустая строка не прибавила буквы. Она ждала не разговора, а поступка.

Зато под строкой проступила новая отметка: маленький молот, пятый по счёту.

Мирослав спрятал предложение Гордея за обложку ведомости. Теперь он знал, что список составили под торговлю, станок работает под шатром, а внизу находятся живые люди. Но доказательством пока служили слова мастера, который не дал показания, и лист, где незаконная сделка называлась быстрым сведением.

До полуночи оставалось меньше двух часов.

Следующая строка списка принадлежала женщине, умершей прошлой зимой.

Мирослав передвинул четвёртую костяшку к рабочему краю и пошёл искать того, кто обещал за мёртвую.

Глава 5. Долг, которого не было

Имя умершей было написано яснее всех живых.

Прасковья Оберег. Медная костяшка рядом со строкой не потемнела от времени, как остальные, а блестела, будто её вставили в раму сегодня. В графе взыскателя значилось: «Дорога Без Возврата». В графе обещанного: «Первый плод нового сада и одну живую руку, которая его сорвёт».

Мирослав перечитал строку трижды.

Люди охотно обещали дорогам первый урожай, первую монету с нового ремесла, первый глоток из выкопанного колодца. Такие платежи были не жертвой, а знаком: человек признавал, что добрался до места не один. Но живую руку к плоду не приписывали. Дорога могла потребовать, чтобы обещанное принёс сам должник. Она не могла заранее получить часть человека, если тот не назвал её платой.

Под строкой стояла печать старшего писца ярмарки. Оттиск был правильным: колесо с семью спицами, одна сломана. И всё же медь пахла свежим уксусом. Так очищали пластинки перед новой записью.

Мирослав провёл ногтем по имени. Буквы не сдвинулись.
— Прасковья Оберег! — позвал он.

Над западным рядом погасли три фонаря. Между шатрами легла белая полоса, похожая на зимнюю дорогу под лунной. Торговцы быстро убрали ноги с её края. Один не успел

подобрать корзину, и полоса прошла сквозь прутья, оставив на дне тонкий слой инея.

Из белизны поднялся дорожный столб. На нём не было указателей. Только зарубки — по одной на каждого, кто ушёл по этой дороге и не вернулся.

— Должница названа, — произнёс голос из-под снега. — Предъяви плод и руку.

— Должница умерла прошлой зимой.

— Смерть есть невозвращение. Дорога признаёт.

— Тогда личное обязательство прекратилось.

— Плод вырос.

— Это ещё нужно установить.

— Рука живёт.

Белая полоса вытянулась к проходу между рядами. Люди расступились. На конце дороги стояла девочка в слишком большом овчинном полушубке и держала плетёную корзину. Ей было лет семнадцать — взрослой ярмарка уже считала, но лицо ещё не научилось скрывать испуг. В корзине лежало единственное яблоко, зелёное с красной полосой.

Правая рука девушки покрылась инеем до локтя.

— Я ничего не обещала, — сказала она.

— Назови себя, — потребовал Мирослав.

— Лада Оберег. Прасковья была моей бабушкой.

— Ты принесла плод по её просьбе?

— Я принесла его продать. Это первое яблоко с нашего нового участка. Мне сказали, на ярмарке за него дадут се-

ребряный рубль.

— Кто сказал?

Лада посмотрела на белую дорогу. Иней поднялся выше локтя.

— Сначала остановите это.

Мирослав поставил раму счётов поперёк полосы.

— Взыскатель, живой ответчик отрицает обещание. До разбора преемства взыскание руки остановить.

— Плод принесён рукой рода.

— Род — не человек и не ставит подписи.

— Корень кормит ветвь.

— Но долг записан на Прасковью, не на корень.

Снег зашуршал. Дорога искала в своих правилах слова, которые позволили бы спорить. Духи не думали, как люди; они перебирали обещанное, пока один смысл не совпадал с другим.

— Она сказала: «Кто сорвёт, тот ответит».

Лада вздрогнула.

— Бабушка так говорила про воров. У нас два года крали саженцы. Она имела в виду: кто сорвёт без спроса, будет отвечать перед ней.

— Дорога слышала слова.

— Когда? — спросил Мирослав.

Столб покрылся новыми зарубками.

— Обещание принято. Плод вырос. Рука живёт.

— Когда принято обещание?

Дорога молчала.

Мирослав коснулся блестящей костяшки. Она была холодная, но под холодом чувствовалось мелкое дрожание, словно медь ещё помнила резец.

— Покажи свидетельство принятия.

Из снега выполз длинный бумажный корешок. На нём стояли те же слова, что в ведомости, печать писца и отпечаток большого пальца. Кожа на отпечатке была исчерчена глубокими садовыми трещинами.

Лада шагнула ближе.

— У бабушки не было большого пальца на левой руке. С молодости. Топором отсекала.

— Это правая рука, — сказал кто-то из торговцев.

— Она правой не ставила меток. Писала. Медленно, но писала.

Мирослав поднял корешок к фонарю. Чернила легли ровно, а вокруг отпечатка остался едва заметный жирный круг. Так выглядела не рука, прижатая к бумаге, а заранее снятая восковая форма.

— Где дом Прасковьи? — спросил он.

— В Яблонном Логу. Два дня отсюда.

— Кто подтвердит её смерть?

— Половина Лога. Мы хоронили её в метель. Священник не дошёл, зато староста был и лекарка.

— На ярмарке есть кто-нибудь из них?

Лада покачала головой.

— Я одна приехала.

Белая дорога двинулась ещё на вершок. Иней обхватил плечо девушки. Яблоко в корзине покрылось прозрачной коркой.

— Разбор затянут, — сказал дух. — Рука будет принята на хранение.

— Нет у тебя такого права, — ответил Мирослав.

— Есть обеспечение живого ответчика.

— Покажи запись об обеспечении.

Снег выбросил второй корешок. На нём значилось: «При невозможности взыскать с Прасковьи Оберег отвечает первый живой из её дома, принёсший первый плод». Под строкой стояла печать Гордея Четы как владельца права требования.

Мирослав почувствовал, как пустая строка его собственного имени нагрелась у края ведомости.

Гордей не просто собирал старые обещания. Он дописывал к ним ответчиков, подбирая людей под последствия. Сад, плод, рука — для такого долга легко найти жетон с признанием о краже или вырубке. А если должницы уже нет, никто не оспорит исходные слова.

— Когда внесено обеспечение? — спросил Мирослав.

Дорога снова не ответила.

— Я требую час записи.

— Ночь не имеет часов. Есть удары.

— Между какими ударами принято?

Снег вокруг столба начал оседать. Из-под него показалась чёрная земля, а на земле — тонкая медная проволока. Она уходила на запад, к невидимому девятому шатру.

— Между вторым и третьим ударами этой ночи, — произнёс дух.

Лада перестала дрожать.

— Бабушка умерла десять месяцев назад.

— Дорога признаёт смерть.

— Тогда она не могла обещать этой ночью, — сказал Мирослав.

— Обещание названо от её имени.

— Кем?

— Владельцем требования.

— У владельца было право взыскать старое. Не право создавать новое.

— Печать принята.

— Печать подтверждает слова, а не рождает их.

Столб наклонился. Белая дорога разом стала шире, отесняя прилавки. На ней проступили следы множества ног, и все шли только в одну сторону.

— Сборщик спорит с принятой печатью.

— Спорю.

— Тогда дай равноценное свидетельство.

Это была ловушка, устроенная не духом, а тем, кто знал его буквальность. Для дороги печать живого распорядителя весила больше рассказа внучки. Свидетельство смерти дока-

зывало невозможность нового обещания, но его не было. Если Мирослав положит на счёт собственное слово, он станет поручителем. Если позовёт Ладу, ярмарка снова сделает её ответчиком.

Он посмотрел на отпечаток.

— Лада, у тебя остались письма бабушки?

— Дома.

— Что-нибудь с её рукой здесь?

Девушка сжала губы.

— Ножницы. И платок. Но на них нет подписи.

— Покажи ножницы.

Она полезла левой рукой под полушубок. Правая уже почти не сгибалась. Из внутреннего кармана появились короткие садовые ножницы в кожаном чехле. Одна рукоять была обмотана синей нитью.

— Бабушка ими прививала ветки. Я взяла, потому что яблоко хотела срезать по её правилу, не рвать.

Мирослав вынул ножницы. На внутренней стороне лезвия была выбита буква «П», а рядом — маленький оберег в виде решётки. Но вещь доказывала только связь с умершей, не её привычки.

— Как она потеряла палец?

— Рубила старую яблоню после мороза. Мне ещё матери не было.

— Кто рассказывал?

— Она сама. Говорила, что поспешила и ударила, не рас-

чистив снег у корня.

При слове «поспешила» рама счётов дрогнула. Лада осеклась.

Мирослав увидел золотую искру у её губ и накрыл ведомость ладонью.

— Это не твоя ошибка. Не договаривай за неё.

— Я и не собиралась.

— Ярмарка собиралась.

Искра погасла. Белая дорога сердито хрустнула льдом.

Гордей подбирал не только долги к запасу признаний. Он рассчитывал, что родные станут объяснять умерших и нечаянно произнесут нужные слова. Из такого объяснения станок мог сделать свежий жетон. Мёртвый должник был удобен дважды: не спорил с записью и заставлял живых говорить за него.

— Прасковья когда-нибудь ездила по Дороге Без Возврата? — спросил Мирослав.

— Не знаю такой дороги.

— Она ведёт к местам, куда уходят навсегда: на дальнюю службу, в изгнание, иногда на смерть. По ней не возят яблоки на рынок.

— Бабушка после того топора вообще из Лога не выезжала. Хромала. Даже на соседнюю ярмарку посылала нас.

— Значит, старого требования тоже не было.

— Печать утверждает, — прошелестел дух.

— Печать Гордея появилась сегодня. А твоя память длин-

нее.

— Дорога помнит прошедших.

— Покажи след Прасковьи.

Белизна замерла.

— Покажи её шаг на себе, — повторил Мирослав. — Если она обещала тебе плод, то должна была обратиться к тебе. Если обращалась, ты помнишь её ноги.

По снегу побежали следы. Сапоги, лапти, босые ступни, копыта, колёса. Они накладывались друг на друга, уходили под столб и появлялись за ним. Мирослав ждал. Лада прижимала замёрзшую руку к груди.

Среди сотен следов не было хромой женщины с укороченным шагом.

— Найди по имени, — сказал Мирослав.

— Имя предъявлено печатью.

— Не печать. След.

Дорога перебирала память. Фонари вокруг гасли один за другим, пока весь западный ряд не осветился только белым снегом. У торговцев вытянулись лица. Без ярмарочного огня их товары становились обычными: самоиграющая свирель замолчала, золотые орехи покрылись пятнами, живая вышивка замерла на ткани.

Наконец голос из-под снега произнёс:

— Прасковья Оберег не проходила.

— Значит, не давала обещания дороге.

— Её имя прошло сегодня.

— Имя принёс владелец требования.

— Да.

— Вместе с поддельным отпечатком.

— Отпечаток подобен руке.

— Но не рука. Ты потребовал живую руку именно потому, что получил мёртвый слепок.

Снег взвился до крыш шатров. Лада вскрикнула, и Мирослав встал перед ней, удерживая раму обеими руками. Медные костяшки бешено застучали. Пятая, отмеченная молотом, сама поползла к строке Прасковьи.

Проволока в земле натянулась.

Из-под снега донёсся не голос дороги, а далёкий стук станка: четыре быстрых удара и один тяжёлый.

Дух замолчал на середине вдоха.

Мирослав опустился на колено и вцепился в проволоку. Она обожгла ладонь. Тонкая медная нить была вплетена в белую дорогу, как повод в конскую узду. Каждый пятый удар посылал по ней приказ: принять запись, найти живого, закрыть пару.

— Елец, — сказал Мирослав.

Мастер предупреждал не о пятом молоте станка. Он показывал, что пятый молот не отделяет признания. Он вбивает их в тех, кто должен принять платёж.

Мирослав поддел проволоку долговым ножом.

— Не режи! — крикнул торговец колёсами. — Дорога уйдёт через нас!

— Она уже идёт через нас.

Он не стал рубить. Если Елец говорил правду об обратном ударе, разрыв мог пройти по Ладе или по человеку в подземной мастерской. Вместо этого Мирослав обмотал проволоку вокруг пятой костяшки своих счётов.

Медь со звоном сомкнулась.

Следующий удар станка пришёлся в раму.

Боль вошла в пальцы и поднялась до плеча. Перед глазами вспыхнуло чужое воспоминание: женщина рубит яблоню, торопится до темноты, топор скользит; но лицо женщины было размыто, а на обеих руках имелись все пальцы. Подделка состояла не только из отпечатка. Кто-то вложил в запись готовую ошибку, достаточно похожую на рассказ Лады.

Мирослав удержал раму.

— Это не память Прасковьи.

— Ошибка названа, — отозвался пятый молот голосом дороги.

— Не ею.

— Последствие существует.

— Чьё?

Воспоминание дрогнуло. Яблоня стала сосной, снег — дождём, топор — тесаком. Несколько чужих признаний были сшиты в одно, чтобы получить нужную силу: утрата, дерево, рука, поспешность.

— Чьё последствие? — снова спросил Мирослав.

Станок ударил. На этот раз рама не приняла приказ. Пятая

костяшка застряла между двумя спицами, и по проволоке назад побежал золотой свет.

Где-то за невидимой дверью закричал мужчина.

Белая дорога содрогнулась. Иней на руке Лады треснул.

— Живой ответчик не найден, — произнёс дух уже своим снежным голосом.

— Потому что нет должника.

— Имя есть.

— Имя умершей использовали без её слова.

— Печать есть.

— Печать поставил тот, кто купил право на несуществующее требование у самого себя. Покажи прежнего владельца долга.

Из снега выпал третий корешок. Он был пуст.

Мирослав поднял его двумя пальцами.

— Покажи цену уступки.

На бумаге ничего не появилось.

— Покажи день первоначального обещания.

Пусто.

— Покажи свидетеля.

Пусто.

Каждый вопрос снимал с записи слой. Сначала исчезла печать старшего писца. Затем стёрся отпечаток. Последними побледнели слова о живой руке. Осталось только имя Прасковьи, принесённое на ярмарку сегодня.

Дорога втянула снег к столбу.

— Имя прошло. Обещание не прошло.

— Значит, долг не возник.

— Долг не возник, — согласился дух.

Костяшка рядом со строкой лопнула. Не передвинулась на сторону оплаченных, а раскололась надвое. Мирослав поймал половинки прежде, чем они упали в снег.

Ведомость дёрнулась. Число в верхнем углу изменилось с тридцати одного на тридцать.

Лада выронила корзину. Мирослав успел подхватить яблоко. Ледяная корка сошла с него прозрачной скорлупой, а иней на руке девушки растаял, не оставив ожога.

Белая дорога сузилась.

— Плод свободен, — сказал дух. — Рука свободна. Имя умершей возвращено памяти живых.

— А поддельная запись?

— Ложный путь не становится дорогой.

Столб ушёл под снег. Перед исчезновением на его боку появилась новая зарубка — поперечная, перечёркивающая семь старых. Дух не умел осуждать Гордея, но умел помнить ложное направление.

Фонари западного ряда зажглись. Торговые чудеса ожили не сразу. Свирель кашлянула, орехи снова позолотились, вышитая птица недовольно расправила нитяные крылья.

Лада потрогала пальцы правой руки.

— Всё?

— По этой записи — да.

— Значит, яблоко моё?

— Было твоим всё время.

— Тогда почему дорога чуть не забрала руку?

— Потому что ей предъявили правильную печать на неправильных словах.

— И она не увидела разницы?

— Увидела, когда её заставили искать собственную память. До этого ей было проще исполнить предъявленное.

Лада подняла корзину и протянула яблоко Мирославу.

— Возьмите. Вы его спасли.

— Я не спасал яблоко.

— Тогда руку.

— За это не платят первым урожаем. Посади семечки, если сорт хороший.

— Он кислый.

— Тем более не годится как плата.

Девушка впервые улыбнулась. Потом вспомнила вопрос и стала серьёзной.

— Мне про серебряный рубль сказал человек в медной маске. Возле въезда. Он спросил, из какого я дома, и очень обрадовался фамилии. Сказал, покупатель ждёт первый плод Прасковьиного сада.

— На его запястье были четыре молота?

— Не видела. Перчатки. Но хромал на левую ногу.

Елец в шатре не хромал. Значит, у Гордея был ещё один доставщик или тот нарочно менял походку.

— Он дал тебе пропуск?

Лада достала из кармана деревянную щепку. На одной стороне выжгли яблоню, на другой — пять молотов. Четыре окружали пустую наковальню, пятый стоял отдельно и был повернут бойком к ним.

Мирослав приложил щепку к отметке на счётах. Они совпали.

Знак был не клеймом мастера. Это была схема станка.

Четыре молота вынимали признание из человека. Пятый заставлял духа или вещь принять добытую силу как подходящий платёж. Без пятого Гордей мог продавать опасные талисманы легковёрным покупателям. С пятым он собирался свести всю ведомость, даже если половина долгов была придумана под имеющийся товар.

— Ты можешь дать показание распорядителю? — спросил Мирослав.

— Что меня заманили яблоком? Дам.

— И что Прасковья умерла прошлой зимой, не ездила по этой дороге и не оставляла отпечаток правой рукой.

— Это тоже.

— Но сначала найди людное место и не соглашайся ни за кого отвечать. Даже если будут говорить, что речь только о словах.

Лада кивнула.

— А вы?

Мирослав посмотрел на проволоку. После спора она ле-

жала на земле тусклой змейкой. Один конец всё ещё уходил к девятому шатру, второй исчезал там, где стоял дорожный столб.

— Я найду, куда подключены остальные нити.

— Их много?

Он поднял ведомость. Теперь, зная, что искать, увидел тонкие медные волоски под корешком. Они тянулись почти от каждой строки к пятой костяшке.

— Слишком много.

С ближайшей колокольни донёсся скрип. Молот готовился ударить четвёртый раз.

До полуночи оставалось меньше часа.

Мирослав хотел отправить Ладу к распорядителю одну, но вспомнил, как тот отказался бесплатно изолировать жетон. Ярмарочный порядок любил доказательства, пока за их хранение кто-нибудь платил. Девушка с первым плодом и свежей спорной записью была для Гордея не свидетелем, а незакрытым товаром.

— Пойдём вместе, — решил он.

Они сделали три шага, когда из толпы вышел сухой человек в серой шапке. Он держал серебряный рубль двумя пальцами.

— Лада Оберег? — спросил он. — Я покупатель. Сделка ещё может состояться.

— Нет, — ответила девушка.

— Яблоко твоё. Я плачу за косточки.

Мирослав встал между ними.

— Назови себя.

— Покупатель имеет право на тайну.

— Не когда предъявляет требование к спорному плоду.

Человек подбросил рубль. Монета вспыхнула золотым и на миг осветила его перчатку. На запястье темнел ожог в форме пятого молота.

Он поймал монету и отступил в толпу.

Мирослав бросился следом, но рубль ударился о камни и раскололся. Из половинок вырвался белый снег. На узком проходе возникла Дорога Без Возврата, уже свободная от ложного долга, но по-прежнему ведущая только в одну сторону. Незнакомец шагнул на неё и исчез за ближайшим фонарём.

Дорога растаяла прежде, чем Мирослав успел потребовать след.

На камнях осталась половинка серебряной монеты. Внутри вместо металла лежала тонкая стружка зелёного стекла.

Лада подняла вторую половину.

— Это был тот человек у въезда. Только тогда он хромал.

— Теперь не хромал.

— Значит, притворялся?

— Или купил чужое исправление для больной ноги.

Мирослав завернул обе половинки в пустой корешок несуществующего долга. Новое доказательство было лучше слов Ельца: поддельная запись, щепка со схемой, стекло

внутри платы и свидетельница, которую заманили на ярмарку заранее.

Но Гордей получил кое-что взамен. Пока Мирослав спорил с дорогой, станок узнал, что пятый молот можно остановить вопросом о происхождении долга. Следующую подделку дядя составит осторожнее.

Колокол ударил в четвёртый раз.

По всей ярмарке медные нити натянулись одновременно.

Тридцать строк ведомости вспыхнули золотом, и откуда-то с южного ряда донёсся первый человеческий крик.

Мирослав передвинул расколотую костяшку к краю рамы. Один долг исчез, потому что его никогда не существовало. Остальные теперь требовали не только взыскания, но и проверки: были ли они долгами до того, как Гордей купил печати.

Он отдал Ладе яблоко.

— Держи левой рукой.

— Почему?

— Правой ты ещё можешь понадобиться самой себе.

Они побежали к южному ряду, где кричал человек, на которого уже нашли чужое последствие.

Глава 6. Сила кузнеца

Крик оборвался раньше, чем Мирослав добежал до южного ряда.

На его месте остался тяжёлый звон железа. Люди бежали от шатра с красной крышей, а навстречу им по камням катились раскалённые заклёпки. Одна прожгла подол торговли, другая лопнула под сапогом и брызнула искрами.

Мирослав толкнул Ладу за каменный чан.

— Не выходи, пока не позову.

Под красной крышей стояла кузница. В горне полыхал белый огонь, мехи ходили сами, молот бил по наковальне без руки. Посреди шатра кузнец держал над головой железную балку. Она была длиннее телеги и весила столько, что четверо грузчиков едва подняли бы один конец. Золотое сияние обвивало плечи кузнеца, входило под кожу и раздувало мышцы.

— Уберите мальчишку! — прохрипел он.

Под балкой лежал молодой помощник. Левая нога была прижата к каменному порогу. Он не кричал, только скрёб ногтями пол и хватал ртом воздух.

Кузнец попытался отшвырнуть балку. Она качнулась и ударила помощника по бедру.

— Не двигай! — приказал Мирослав.

— Она сама тянется к нему!

Золотые нити шли не от кузнеца к железу, а от его груди к помощнику. Каждое усилие делало балку тяжелее над чужим телом.

Мирослав раскрыл ведомость. Шестая строка вспыхнула. «Фадей Скоба. Долг Южному мосту: признать слабую заклёпку и собственными руками вернуть мосту несущую силу».

Взыскание было настоящим. Семь лет назад кузнец поставил заклёпки на Южном мосту; одна лопнула этой весной, пролёт просел. Фадей обещал дороге исправить работу на следующей Ярмарке Семи Дорог. Но рядом со строкой торчала медная нить пятого молота.

На поясе кузнеца висела стеклянная коробочка.

— Фадей, кто дал жетон?

— Купил! Чтобы хватило силы поднять пролёт!

— Что было внутри?

— Признание плотника. Он выбрал слабое бревно, потому что не хотел возвращаться на лесосеку.

— А помощник?

— Тишка. Он ничего не делал. Вытащите его!

Тишка был в кожаном фартуке, но без медной маски. На его запястье не было знака станка. Обычный ученик лет двадцати, худой, с ожогами на пальцах.

— Кто ставил балку на подпорки? — спросил Мирослав.

— Я, — выдавил Тишка.

— Ты видел трещину?

— Какую трещину?

— Не отвечай догадкой.

Фадей застонал. Балка опустилась ещё на палец.

— Я признал своё, — сказал он. — Всё как учили. Сказал: видел пузырь в железе, но поставил заклёпку, потому что хотел закончить до дождя. Сила пришла. Я поднял балку. А потом коробочка открылась сама.

Мирослав обошёл наковальню. Осколки крышки лежали у горна. Внутри коробочки зелёным огнём светился жетон. На нём проступили два перекрещённых знака: дерево и железо.

Чужое признание искало слабый материал. Не найдя бревна, выбрало ближайшую опору — ногу помощника. Теперь магия пыталась исправить плотницкую ошибку кузнечными руками и превращала живую кость в часть конструкции.

— Фадей, перестань поднимать.

— Она раздавит его.

— Пока ты поднимаешь, чужая сила считает Тишку плохой опорой и ломает, чтобы заменить.

— А если отпущу?

— Твоя собственная сила останется. Чужая потеряет твоё движение.

Кузнец посмотрел на помощника.

— Я не могу отпустить.

— Можешь. Вопрос — куда упадёт балка.

Мирослав схватил две цепи со стены и перекинул через

поперечную жердь шатра.

— Люди! Нужны шестеро на цепи.

Толпа за краем крыши отступила. У всех были веские причины не подходить к железу, которое только что метало заклёпки.

Лада первой выскочила из-за чана.

— Я возьму.

— Я велел ждать.

— А он велел убраться мальчишку. Никто не сделал.

Она обмотала цепь вокруг левой руки. За ней подошли торговка с прожжённым подолом, два возчика, старик с клеткой пустых птиц и женщина в дорожном плаще. Мирослав закрепил второй конец на наковальне.

— Держим вес, не поднимаем. Фадей, на счёт три разожми пальцы.

— Она пойдёт на Тишку.

— Я поставлю подкладку.

— Какую?

Мирослав сунул под балку медную раму счётов.

Фадей выругался.

— Это же твоё ремесло.

— Поэтому я знаю, сколько оно выдержит.

Он не знал. Рама считала обещания, а не держала мосты. Но медь была толще человеческой кости.

— Раз. Два. Три.

Фадей отпустил.

Балка рухнула на раму. Медные спицы выгнулись, костяшки разлетелись по полу. Цепь рванула шестерых вперёд; Лада упала на колено, но не выпустила звено. Мирослав втиснул плечо под железо и вытащил Тишку за ворот.

Ученик закричал, когда освобождённая нога коснулась пола.

— Не ставь её, — сказал Мирослав. — Лежи.

Фадей опустился рядом. Золотое сияние вокруг него не исчезло. Оно стало ровнее и перестало тянуться к помощнику.

— Я сломал ему ногу.

— Жетон сломал.

— Я купил жетон.

Мирослав посмотрел на кузнеца. Тот не прятал лица и не искал оправдания. Слова были точными, но новой силы не дали. Ошибка уже была признана; теперь требовалось исправление.

— Сначала шина, — сказал Мирослав. — Потом мост.

— Какой мост? Тишка лежит!

— Твоя настоящая сила дана на слабую заклёпку Южного моста. Ею нельзя вылечить ногу. Но можно сделать так, чтобы из-за той заклёпки больше никто не пострадал. А Тишке поможем руками, которые принадлежат нам.

Фадей оглядел кузницу, будто впервые увидел инструменты. Взял две прямые полосы, обернул их войлоком и осторожно приложил к ноге ученика.

— Пальцы чувствуешь?

— Чувствую.

— Двигать можешь?

Тишка шевельнул пальцами и зашипел.

— Хорошо. Кость цела или треснула, лекарь скажет. Сейчас закреплю.

Пока кузнец работал, Мирослав собирал костяшки. Пустая строка с его именем расколом не пострадала. На ней уже проступило «МИРОСЛА». Ещё одна буква появилась, когда он положил своё ремесло под чужую балку. Ярмарка считала любой риск именем согласием платить.

Пятая костяшка исчезла.

Мирослав нашёл её внутри зелёного жетона. Медь просвечивала сквозь стекло, как насекомое в янтаре.

— Не трогай голой рукой, — сказал он Фадею.

— Я его раздавлю.

— Тогда удар пойдёт по тому, чьё признание внутри, или по Тишке. Сначала отделим нить.

Медная проволока тянулась от жетона к ведомости, а дальше — на запад. Мирослав зажал её долговым ножом и обмотал вокруг железной скобы.

— У тебя есть клещи с деревянными ручками?

Фадей указал подбородком на стену.

Мирослав взял клещи, ухватил нить у самого стекла и потянул. Проволока не поддавалась. Наоборот, жетон поднялся с пола и повис в воздухе. Из него донёсся скрип дерева.

Перед глазами возник незнакомый плотник. Он стоял на недостроенном мосту и смотрел на тёмное пятно в бревне. До лесосеки было полдня пути. За спиной ждали люди и ругали медленную работу. Плотник отвернулся от пятна и велел укладывать бревно.

Признание было настоящим.

Но мост в воспоминании не был Южным. Под ним текла широкая мутная река, тогда как Южный мост перекинули через сухой овраг. Гордей подобрал сходное последствие и решил, что сходства довольно.

— Где этот плотник? — спросил Мирослав у жетона.

Стекло молчало.

— Как его зовут?

Молчание.

— Какой мост он ослабил?

Пятый молот ударил по нити.

Скоба в руке Мирослава ожила и метнулась к ноге Тишки. Он успел отбить её клещами. Железо вонзилось в столб.

— Нашёл новую опору, — сказал Фадей.

— Нет. Пятый молот защищает пару. Пока мы спрашиваем происхождение, он заставляет предметы доказывать сходство.

Кузнец затянул последний узел на шине.

— Значит, не спрашивай. Я разбил — я отвечу.

— Ты отвечаешь за покупку. Но признание всё равно принадлежит плотнику. Если мы просто уничтожим его, он мо-

жет потерять возможность исправить настоящий вред.

— А если оставим, Тишку добьёт.

Мирослав осмотрел горн. Белое пламя потускнело после того, как Фадей перестал кормить его чужой силой. Рядом стояло ведро с водой для закалки.

— Жетон хранит признание, пока считает себя платёжным средством. Надо лишить его цены, не ломая слова.

— Стекло можно расплавить.

— Тогда смешаем признание с огнём.

— Можно отпустить напряжение. Нагреть медленно, потом остудить в золе. Стекло останется целым, но станет мягче. Если внутри есть железо, оно расширится раньше оболочки.

Мирослав показал просвечивающую костяшку.

— Вот железо точнее меди.

— Медь тоже расширится.

— Значит, пятый молот сам разожмёт ловушку.

Фадей переложил Тишку на дверь, снятую с петель. Два возчика понесли ученика к лекарскому ряду. Лада пошла рядом, держа его за плечо. Перед уходом она оглянулась.

— Правой рукой я ему не понадобилась.

— Пока береги обе, — ответил Мирослав.

Когда посторонние вышли, Фадей закрыл кузницу цепью. Жетон положили в железный ковш и засыпали мелкой золой. Кузнец убрал мехи и раздвинул угли, оставив слабый красный жар.

— Такое стекло нельзя торопить, — сказал он. — От быстрого огня лопнет.

— До полуночи меньше часа.

— Тогда можешь разбить. Или дать ремеслу столько времени, сколько нужно.

Мирослав услышал в его словах не упрёк, а неприятную правду. Он сам всю ночь требовал точных исправлений, но продолжал мерить их ударами колокола. Гордей выиграл бы уже тем, что заставил всех выбирать между правильным и своевременным.

— Сколько?

— Если держать ровно — четверть часа.

— Держи.

Фадей сел у горна. Золотая сила в его руках заставляла огонь слушаться: пламя не росло, а плотным венцом окружало ковш. Это было именно то исправление, для которого сила пришла, — работа с железом, чья слабость была однажды скрыта.

— Почему заклёпка была плохой? — спросил Мирослав.

— В металле осталась раковина. Пустота внутри. Снаружи гладко. Я увидел её, когда обрубил хвост, но дождь уже начинался. Чтобы заменить, надо было снять две балки и поддержать открытие моста на день.

— Кто торопил?

— Все. Подрядчик, обозники, староста. Но молот держал я.

Золотое сияние уплотнилось вокруг его пальцев.

— Ты уже признал это до моего прихода?

— Да.

— Почему сила не ушла в мост?

— Жетонщик сказал, что одного признания мало. Продал добавочную силу.

— Кто?

— Сухой человек в серой шапке. На руке перчатка. Ходил с палкой, будто хромым.

Тот же человек заманил Ладу. Он не просто продавал товар, а подводил его к заранее выбранным строкам.

— Как он узнал о заклёпке?

— Назвал её сам. Сказал, ведомость открыта торговцам, раз долг выставлен на взыскание.

— Ложь. Торговец видит имя должника и цену закрытия, но не признание до того, как его произнесут.

Фадей посмотрел в огонь.

— Значит, кто-то слышал семь лет назад.

— Или купил требование и прочитал основание. Гордей.

Кузнец сжал челюсть.

— Чета? Твой дядя?

— Владелец большей части списка.

— А ты на него работаешь?

— Уже нет.

— Это не ответ.

Мирослав хотел сказать, что никогда не работал на тор-

говлю жетонами. Но до этой ночи он закрывал списки, принесённые Гордеем, не спрашивая, как дядя получил права требования. Он считал законную печать достаточным происхождением. Долг Прасковьи показал цену такой привычки.

— Я работал с его ведомостями, — сказал он. — Проверял платежи, но не проверял покупку каждого долга. Думал, это чужая часть работы.

Рама на полу звякнула. Золотая искра появилась у его ладони, но была слабой и тут же исчезла. Ошибка названа, однако её последствие ещё не исправлено.

— Удобно, — сказал Фадей.

— Да.

Кузнец кивнул. Теперь они понимали друг друга хуже, зато точнее.

В ковше тихо щёлкнуло.

Фадей вынул его длинными щипцами и поставил в золу у края горна. Стекло жетона помутнело. Медная костяшка внутри повернулась, растягивая оболочку. Мирослав подцепил нить клещами.

На этот раз она вышла на толщину пальца.

Пятый молот ударил.

Фадей опустил собственный молот на проволоку. Не рубил, а расплющивал её поперёк наковальни. Каждый удар превращал круглую нить в широкую ленту. Приказ станка терял направление: сила шла к жетону, но растекалась по меди и возвращалась звоном.

— Ещё, — сказал Мирослав.

— Она ведёт куда-то.

— К станку.

— Тогда пусть услышат.

Фадей ударил в третий раз. В западной части ярмарки от-
ветили четыре быстрых молота. Пятый не прозвучал.

Стеклянный жетон раскрылся по шву, словно орех. Из
него выпала медная костяшка, а следом вылетел золотой ого-
нёк. Он метнулся к Фадею, но тот отступил.

— Не моё.

Огонёк повис над наковальней.

Мирослав поднёс пустой корешок несуществующего дол-
га. Бумага уже отвергла одну ложную запись и потому не мог-
ла принять новую как платёж. Золотой свет лёг на неё сло-
вами:

«Я видел тёмную сердцевину, но выбрал ближнее дерево,
потому что не хотел возвращаться».

Ни имени, ни места.

— Признание освобождено, но хозяин неизвестен, — ска-
зал Мирослав. — Сохраним как свидетельство, не как силу.

Он сложил корешок так, чтобы слова оказались внутри,
и перевязал расплющенной медью. Огонь погас. Теперь это
было показание без плательщика — бесполезное для взыс-
кания и ценное для расследования.

Фадей взял медную костяшку. Знак пятого молота на ней
стёрся.

— Что с мостом?

— Ты обещал вернуть несущую силу собственными руками.

— До него три версты.

— Южный мост пришёл за долгом. Позови его.

Фадей вышел из-под крыши и ударил молотом по камню. Звук прокатился по ярмарке. Второй удар был ниже, третий отозвался из-под земли.

Между шатрами поднялся кусок моста: две балки, настил и перекошенное перило. Под ним темнел сухой овраг, хотя в каменный проход можно было просунуть ладонь. Дух принёс не весь мост, а место ошибки.

В одной заклёпке виднелась чёрная раковина.

— Вот она, — сказал Фадей.

— Не только она.

Из-за слабого соединения соседняя балка пошла трещиной. Если заменить одну заклёпку и оставить дерево, пролёт всё равно рухнет.

Фадей провёл пальцами по трещине.

— Семь лет назад её не было.

— Но это последствие твоего решения.

— Мне нужна новая балка.

— Чужая сила уже пыталась дать её из Тишки. Теперь ищи настоящую.

Кузнец оглянулся на свою мастерскую. Балка, упавшая на ученика, лежала на выгнутой раме счётов.

— Железо вместо дерева?

— Если мост примет.

Фадей положил ладонь на перило.

— Южный мост, примешь железную накладку до полной замены балки?

Доски скрипнули.

— До первого снега, — ответил голос из сухого оврага. — Потом требуется дерево.

— Я заменю до первого снега.

— Кто ответит, если не заменишь?

Фадей посмотрел на Мирослава.

— Я. Не ученик, не подрядчик и не тот, кто будет рядом. Я, Фадей Скоба.

Золотая сила в его руках вспыхнула. Он разрезал упавшую балку, выковал две длинные накладки и вытянул новую заклёпку без раковины. Работа, на которую обычно ушло бы полдня, заняла несколько минут, но ни одно движение не сделалось легче. Сила не работала вместо кузнеца. Она только позволяла железу выдержать то исправление, которое он точно назвал.

Мирослав удерживал накладку, пока Фадей клепал. Каждый удар отдавался в повреждённой раме. На последнем золотой свет ушёл из рук кузнеца в мост.

Трещина перестала расти.

— Долг начат к исправлению, — сказал Южный мост. — Закрытие после замены дерева до первого снега.

Строка в ведомости не исчезла, но печать взыскания сменилась печатью срока. Мирослав передвинул шестую костяшку к середине рамы: не оплачено, не просрочено, принято настоящее действие.

— Почему не закрыто? — спросил Фадей. — Я признал и укрепил.

— Потому что накладка временная. Признание не превращает временное в вечное.

— Жетонщик обещал закрыть сегодня.

— Он продавал не исправление, а чистую строку.

Фадей поднял половинки зелёного стекла.

— Их можно показать распорядителю?

— Нужно. И рассказать о продавце.

— После лекаря.

— Сначала Тишка.

Мост опустился под землю. Южный ряд снова стал тесным и шумным. Люди вернулись к прилавкам, осторожно обходя остывшие заклёпки.

Мирослав поднял свою раму. Она была выгнута, две спицы треснули, но костяшки ещё двигались. На пустой строке сияло почти полное имя: «МИРОСЛАВ ЧЕТ».

Не хватало одной буквы.

Фадей увидел запись.

— Это твой долг?

— Чужой залог.

— Раз стоит на твоих счётах, скоро станет твоим.

— Поэтому я иду быстрее.

Кузнец покачал головой.

— Быстрее я уже сделал.

Мирослав хотел возразить, но колокол над ярмаркой качнулся без удара. До полуночи оставались минуты. На тридцати строках дрожали медные нити, и каждая могла найти своего Тишку — человека, оказавшегося рядом с чужой попыткой исправиться.

Со стороны лекарского ряда прибежала Лада.

— Нога не сломана, — сообщила она. — Сильный ушиб и трещина в кости, лекарка наложила лубок. Но к Тишке пришёл человек в серой шапке. Сказал, что оплатит лечение, если тот подпишет отказ от претензий.

— Подписал?

— Я вылила чернила ему на сапоги.

— Где он?

— Побежал к колокольне.

Человек с ожогом пятого молота спешил не скрыться. Он шёл туда, откуда одним ударом можно было объявить полуночный пересчёт и заставить все строки принять подготовленные пары.

Мирослав сунул освобождённое признание за обложку ведомости.

— Фадей, можешь ударить так, чтобы тебя слышал весь южный ряд?

Кузнец взвесил молот.

— Могу.

— Тогда собирай всех, кому продали жетоны. Пусть ничего не открывают и не разбивают. Веди их к распорядителю вместе с осколками и свидетелями.

— А ты?

Мирослав посмотрел на неподвижный колокол.

— Не дам пятому молоту стать первым ударом полуночи.

Он побежал к колокольне. За спиной Фадей ударил по наковальне, и над южным рядом разнёсся голос железа, которое больше не скрывало пустоту внутри.

Глава 7. Три часа до полуночи

Колокольня стояла там, где сходились семь дорог, но добраться до неё по прямой было невозможно. Между Мирославом и лестницей выросли торговые ряды, которых мину-ту назад не существовало. Медные вывески качались над узкими проходами. Продавцы совали под ноги корзины, распахивали ковры, выпускали из клеток бумажных птиц. Ярмарка не любила бегущих: тот, кто спешил, казался ей покупателем, ещё не нашедшим нужную лавку.

Мирослав перескочил через лоток с пуговицами и едва не попал под колесо телеги. Из кузницы за спиной снова донёсся удар Фадеева молота. Ему ответили голоса — сначала три, потом десяток. Кузнец собирал людей.

Человек в серой шапке мелькнул впереди. Он больше не притворялся хромым. Палку нёс под мышкой, а правой рукой придерживал перчатку. На пальцах под ней мерцал зелёный ожог.

— Стой! — крикнул Мирослав.

Тот обернулся и улыбнулся, словно услышал предложение поторговаться. Потом ударил палкой по боковой стойке колокольни.

Колокол качнулся.

Звука не было, но по земле прошла дрожь. Все семь дорог разом поднялись на ребро. За воротами показалось чёрное

небо без звёзд, а затем створки захлопнулись. Цепи, висевшие над каждым выходом, упали в пазы. На них вспыхнули слова:

«До сведения счетов выход должникам, взыскателям и свидетелям запрещён».

Толпа замерла всего на вдох. Потом люди бросились к воротам.

— Я ничего не должен!

— У меня дети в обозе!

— Я пришёл только за солью!

Дороги отвечали каждому одним и тем же скрипом. Ярмарка не различала виновного, покупателя и случайного прохожего, пока счёт не назвал их роль. Заперты оказались все.

Серый продавец нырнул под лестницу. Мирослав толкнул телегу в сторону и добежал до нижней ступени. Сверху уже спускались две деревянные руки — служители колокола, вырезанные из старых дорожных столбов. Одна держала щипцы, другая — длинную иглу.

— Взыскатель к бою колокола, — сказал Мирослав и показал ведомость.

Руки коснулись печати, затем повреждённых медных счётов. Пальцы из дерева ощупали пустую костяшку с почти дописанным именем.

— Взыскатель является обеспечением, — проскрипела первая рука.

— Обеспечение не допускается к механизму времени, — добавила вторая.

— Моё имя заложили без согласия.

— Спор будет рассмотрен при сведении счетов.

— Когда оно начнётся?

Обе руки указали вверх.

На площадке под колоколом висели семь песочных часов. В шести верхние чаши были пусты. В седьмых медленно падал песок цвета старой крови. До нижней отметки оставалось несколько крупинок.

— Через три минуты? — спросил Мирослав.

— Через три часа, — ответили руки вместе.

Он посмотрел на колокол. Четыре удара, прозвучавшие с открытия ярмарки, должны были отмечать часы. После четвёртого оставалось меньше часа до полуночи. Так считали торговцы, так торопил Гордей, так натянулись нити в ведомости.

— Вы уже били четыре раза.

— Колокол времени не бил.

— Я слышал его.

— Вы слышали требование счёта.

Мирослав поднял голову. Внутри большого колокола висел язык из светлого железа. Он не касался стенок. Ниже, почти скрытый ободом, был укреплён второй язык — тонкий, медный, с клеймом четырёх молотов вокруг пустой наковальни. От него уходила проволока к западному ряду.

Станок бил не только по признаниям. Он подражал колоколу, отмеряя ярмарке ложное время.

Три часа до полуночи означали спасение, если использовать их на проверку. И ловушку, если люди продолжают думать, что остались минуты: в панике они купят всё, что обещает чистую строку.

Снизу закричала женщина. У закрытых восточных ворот торговец поднял над головой связку зелёных жетонов.

— Последняя возможность! — кричал он. — Сведение уже началось! Один жетон — один закрытый долг!

К нему потянулись руки.

Мирослав ухватил деревянного служителя за запястье.

— Объявите настоящее время.

— Колокол объявляет время ударом.

— Тогда ударьте.

— Доступ к механизму запрещён до удаления ложного языка.

— Удалите.

— Служители не меняют устройство, принятое распорядителем.

Разумно устроенная ярмарка давно выгнала бы половину собственных духов за любовь к круговым ответам. Но разумной её никто не обещал.

На верхней площадке хлопнула дверца. Серый продавец появился возле песочных часов. Палку он бросил. Обожжённую руку положил на тонкий медный язык.

— Он часть станка! — сказал Мирослав. — Задержите его.

Деревянные руки повернулись к продавцу.

— Назовите нарушение.

— Он подменил удары времени ударами требования.

— Свидетельство?

— Медный язык с клеймом.

— Предмет не свидетельствует о действии владельца.

Продавец выдернул из рукава молоток. Мирослав рванулся вверх, но служители сомкнули пальцы на его плечах. Молоток ударил по медному языку.

На этот раз звук слышали все.

Он был похож на звон монеты, упавшей на дно пустой кружки. Нити в ведомости натянулись. По ярмарке прокатился шёпот: «полночь». Торговец у восточных ворот начал раздавать жетоны в обмен на подписи.

Большой железный язык остался неподвижен. В песочных часах падала всё та же красная крупинка.

— Ложный удар, — сказал Мирослав.

— Требуется два независимых свидетеля, — ответили руки.

Серый продавец снова поднял молоток.

Мирослав ударил затылком первую деревянную руку, вывернулся из хватки и сунул ведомость между пальцами второй. Та машинально принялась пересчитывать строки. Он взлетел по ступеням.

Продавец успел ударить ещё раз. Снизу послышался треск стекла. Кто-то открыл жетон.

Мирослав схватил молоток на замахе. Обожжённая рука оказалась неожиданно сильной. Зелёный след на коже вспыхнул, и пальцы продавца сжали рукоять так, словно в них работали чужие мышцы.

— Чья ошибка даёт тебе силу? — спросил Мирослав.

— Ошибки ничьи, пока их не купили.

— У каждой есть человек.

— У каждого человека есть цена.

Продавец толкнул его к перилам. Под площадкой кипела ярмарка. Люди метались между закрытыми воротами и лотками с талисманами. Дальше, на южном ряду, Фадей вёл к колокольне небольшую группу. Над ними он держал половинки зелёного стекла.

Мирослав позволил себе отступить. Продавец решил, что побеждает, и потянул молоток к языку. Тогда Мирослав отпустил его запястье и ударил ребром ведомости по обожжённым пальцам.

Зелёный огонь брызнул искрами. Молоток упал на площадку.

Продавец бросился к нему, но Мирослав наступил на рукоять.

— Имя.

— Ты сборщик. Читай счёт.

— В моём счёте тебя нет.

— Значит, я ничего тебе не должен.

— Мне — нет. Тем, чьи слова продаёшь, — возможно.

— «Возможно» не взыскание.

Он говорил уверенно, как человек, давно изучивший границу буквального закона. Мирослав знал этот голос. Так разговаривали опытные должники и хорошие сборщики: не лгали, просто оставляли за словами достаточно пустого места.

Снизу поднялась Лада. Она запыхалась, но обе руки были свободны.

— Его зовут Клим Гарь, — сказала она. — Лекарка вспомнила. Семь лет назад он торговал ламповым маслом, пока у него не сгорел склад.

Продавец дёрнулся.

— Это свидетельство о происхождении имени, — объявила деревянная рука. — Не о ложном ударе.

— Я видела, как он ударил, — сказала Лада.

— Свидетель связан с взыскателем общим спором.

— Я с ним не связана. Он спас мою руку.

— Именно поэтому связана.

Лада посмотрела на Мирослава.

— У ваших духов всегда такой скверный характер?

— Это не характер. Это точность без здравого смысла.

Клим Гарь усмехнулся.

— Потому мы и торгуем. Людям нужен выход, а не здравый смысл сборщика.

По лестнице поднялся Фадей. За ним шли Тишка на ко-

стыле, Веста Доброслов, десятник Лавр Чечётка и ещё пятеро людей. У каждого был зелёный жетон или его осколок.

— Я видел второй удар, — сказал Фадей. — Этот сухарь бил по медному языку. Настоящий не двигался.

— Вы связаны с взыскателем общим спором, — отозвались служители.

— Я связан с ним тем, что он испортил свои счёты ради моего ученика. Это теперь запрещает мне видеть?

— Благодарность создаёт зависимость суждения.

— А злость?

— Также.

— Хорошо. Я к нему и благодарен, и зол. Одно вычитается из другого.

Деревянные руки на миг замолчали. Ярмарочные правила не любили шуток, потому что иногда не понимали, где в них ошибка.

— Требуется независимый свидетель, — повторили они.

Мирослав посмотрел на людей, которых привёл Фадей. Каждый уже был участником одной из сделок. Духи могли отвергнуть их по очереди: покупатель зависел от продавца, пострадавший — от покупателя, должник — от сборщика. Если Гордей заранее изучил правила колокольни, он знал, что здесь почти невозможно найти независимого человека. На закрытой ярмарке все оказывались связаны счётом.

Тогда свидетельствовать должен был не человек.

Мирослав поднял молоток Клима. На бойке зеленела све-

жая полоса. Затем поднёс к нему корешок с освобождённым признанием плотника. Медная лента на бумаге задрожала и потянулась не к молотку, а к тонкому языку.

— Признание отделено этим станком, — сказал он. — Оно указывает на ту же связь.

— Признание без владельца не имеет голоса, — ответили руки.

— Но предмет, которому причинили вред, может требовать долг.

— Может.

Мирослав повернулся к большому колоколу.

— Колокол Семи Дорог, твоё право объявлять время использовали для продажи ложных платежей. Считаешь ли ты это вредом?

Железо над головой дрогнуло. Клим рванулся к краю площадки, но Фадей загородил спуск.

Большой язык качнулся сам. Удара не последовало: медная вставка удерживала его, как распорка.

По бронзовой стенке проступили тёмные буквы:
«МОЙ ГОЛОС ПРИСВОЕН».

— Первый независимый свидетель, — сказал Мирослав. Деревянные руки склонились перед колоколом.

— Свидетельство принято.

— Вторым будет время.

Он указал на песочные часы. Красный песок падал ровно, не ускоряясь после ударов Клим.

— Часы являются частью механизма, — возразили служители. — Часть не независима от целого.

— Тогда дороги. Они закрылись не при полуночи, а при требовании свести счета. Спросите у семи дорог, взошла ли полночь.

Служители вытянули деревянные пальцы. От каждого пальца к воротам побежала тонкая трещина. Семь дорог ответили одна за другой: северная морозным скрипом, южная звоном подков, западная шелестом монет, восточная плеском воды. Остальные говорили запахом дыма, пылью и далёким громом.

На цепях над воротами появились одинаковые слова:
«ДО ПОЛУНОЧИ ТРИ ЧАСА».

Крик у лотков оборвался. Люди читали надпись, затем смотрели на жетоны в руках.

— Второе свидетельство принято, — сказали деревянные руки. — Удары требования признаны ложными ударами времени. Медный язык подлежит удалению.

Клим прыгнул к вставке. Фадей успел схватить его за пояс, но зелёный ожог снова дал продавцу чужую силу. Он вывернулся, ударил кузнеца локтем и обеими руками вцепился в медный язык.

— Если снять сейчас, все открытые жетоны разрядятся куда придётся! — выкрикнул он. — В людей, в дороги, в детей за воротами. Вы не знаете, сколько их!

Мирослав остановил деревянную руку, уже протянувшую

щипцы.

Это могло быть ложью. Но после Тишки он не имел права проверять угрозу чужими костями.

— Сколько открыто? — спросил он.

— Считай сам.

— Я и считаю. Веста, сколько банок ты наполнила?

Веста Доброслов прижала к груди книгу клиентов.

— Двести двенадцать признаний за семь ярмарок. В жетоны ушло сто восемьдесят. Но часть могли вернуть на переплавку.

— Фадей, сколько покупателей пришло?

— Со мной восемь. Ещё двое побоялись покинуть лавки. У одного сразу три коробочки.

— Лавр?

Десятник поднял разбитую коробочку.

— Мои люди видели жетоны у стражников западных ворот. Нам продавали их как средство «быстрого исправления проступка». Купили не меньше двенадцати.

— Кто ещё? — спросил Мирослав.

Лада перечисляла, загибая пальцы:

— Приют, лечебный шатёр, возчики с северной стоянки, двое торговцев зерном. Серый ходил не один. Я видела женщину с серебряной вуалью и мальчишку в красном кафтане.

Клим молчал. Мирослав смотрел не на него, а на людей вокруг. Впервые они стояли не отдельными должниками перед сборщиком, а свидетелями разных частей одной торгов-

ли. Веста знала происхождение слов. Фадей — работу талисмана. Лавр — покупателей среди стражи. Лада — доставщиков и приманки. Тишка мог назвать последствия. Ни один не видел всей схемы, зато Гордей не мог объявить их рассказ одной обидой.

— Колокол, — сказал Мирослав, — удерживай медный язык до безопасного отделения. Не позволяй ему бить.

Большой язык прижал медную вставку к стенке. Клим вскрикнул: зелёный ожог на его руке потянулся следом, будто кожа была пришита к металлу.

— Сними перчатку, — велел Мирослав.

— Нет.

— Тогда останешься связан с колоколом.

— До полуночи?

— До первого луча. Колокольня исчезнет вместе с ярмаркой. Не знаю, что станет с рукой.

Клим попытался оторвать пальцы. Колокол не отпустил.

— Это не моя ошибка, — процедил он. — Я только продавал.

— Значит, признание не требуется. Просто сними перчатку.

— Не могу.

— Почему?

Веста подошла ближе.

— Потому что перчатка и есть пятый молот, — сказала она. — Малый. Через неё он связывал жетон с подходящим

долгом.

Клим повернул к ней голову.

— Ты наполняла стекло.

— И расскажу, как.

— Тогда сядешь рядом со мной.

— Возможно. Но не по твоей цене.

Мирослав раскрыл ведомость на чистом обороте ложной строки Прасковьи. Писать отдельный список было опасно: ярмарка могла принять его за новую ведомость. Поэтому он не записывал имена рядом с суммами и не ставил печатей. Он отмечал только предметы и действия.

Первая запись: банки Весты, сто восемьдесят наполненных жетонов.

Вторая: коробочка Лавра, принуждение к чужому исправлению.

Третья: жетон Фадея, травма Тишки, связь со станком.

Четвёртая: ложный долг Прасковьи, оттиск пятого молота.

Пятая: подмена ударов колокола.

Это ещё не доказывало вину каждого человека, зато показывало путь товара: слово, стекло, подбор долга, ложное время, вынужденный платёж.

— Нам нужен распорядитель, — сказал Лавр.

— Распорядитель принял медный язык, — ответил Мирослав. — Либо его обманули, либо он согласился.

— Тогда кому жаловаться?

— Пока никому. Сначала собрать то, что нельзя заменить удобной версией.

Фадей постучал пальцем по записи.

— Свидетелей.

— И предметы. Не разбивать жетоны, не открывать коробочки, не произносить рядом с ними признаний. Каждому покупателю пусть двое людей зададут одинаковые вопросы: кто продал, что обещал, какая ошибка была внутри, какой долг собирались закрыть, кто пострадал после открытия.

— Почему двое? — спросила Лада.

— Чтобы потом один не оказался единственным голосом против торговца. И чтобы сборщик не переписал ответ удобнее для себя.

Последнее он сказал о себе. Фадей понял и кивнул.

— Я поведу южный ряд, — сказал кузнец. — Тишку оставлю у лекарки.

— Я пойду, — возразил ученик.

— На одной ноге?

— У меня есть две руки и я помню лицо продавца.

— Тогда сядешь у распорядителя и будешь принимать людей, — решил Мирослав. — Не ходить. Лада, найдёшь ему стол и двух писцов, которые не покупали жетоны?

— Найду троих. Один обязательно начнёт врать, что не умеет писать.

— Не угрожай правой рукой.

— Я умею левой.

Лавр собрался спускаться, но Мирослав остановил его.

— Стражники с жетонами не должны охранять выходы и склад доказательств.

— Сниму их.

— На каком основании?

— До выяснения.

— Это слова, которыми можно отнять у человека всё. Назови точнее.

Лавр поморщился, но подумал.

— Жетон влияет на поступки владельца и может направить силу на непричастного. Поэтому до проверки коробочки стражник сдаёт оружие и не подходит к запертым людям. Жалованье и должность сохраняются.

— Так годится.

— Ты ещё будешь учить меня командовать?

— Пока ты собираешься учить меня взыскивать, придётся обмениваться.

Лавр фыркнул и пошёл вниз.

Веста задержалась возле Клима.

— Он не главный доставщик, — сказала она. — Он только выбирал похожие долги.

— Я знаю, — ответил Мирослав.

— Откуда?

— Главный не стал бы сам бить в колокол. Он бы продал право удара тому, кто считает себя спасителем.

Клим перестал тянуть руку. На его лице впервые появился

страх, не связанный с болью.

— Гордей оставит вас здесь, — сказал он. — Когда начнётся настоящий пересчёт, колокол спросит не о ваших свидетельствах. Он спросит, сколько строк закрыто. У него есть ответ. У тебя — люди с жалобами.

— У меня есть три часа.

— Было. Посмотри на часы.

Красный песок в седьмой чаше перестал падать. Затем тонкая струя пошла вверх.

На воротах слова изменились:

«ДО ПОЛУНОЧИ ДВА ЧАСА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ МИНУТ».

Время снова двигалось правильно.

— Спасибо, — сказал Мирослав.

— За что?

— Ты заставил меня проверить.

Он спустился с колокольни. Внизу уже строилась очередь из покупателей жетонов. Она была неровной, шумной и совсем не похожей на очередь должников перед сборщиком. Люди держали коробочки тряпками, щипцами, кухонными клещами. Некоторые принесли только чеки, другие — ожоги и поломанные вещи. У женщины с корзиной на плече левый рукав был покрыт инеем. Старик в красном шарфе вёл козу с деревянными зубами. Мальчик-подмастерье тащил дверь, в которой выросли чужие петли.

Тишке поставили стол из двух ящиков. Рядом с ним си-

дели писарь ярмарочного суда и торговка пряностями. Лада нашла третьего свидетеля — слепого настройщика колокольчиков, который различал удары лучше зрячих.

— Начинаем с предмета, — сказал Мирослав собравшимся. — Не с того, насколько вы хороший человек. Покажите жетон или след его действия. Назовите продавца. Повторите обещание, которое слышали. Потом скажите, какое своё решение хотели исправить и что случилось на деле. Если не знаете — так и говорите. Догадка не становится фактом от уверенного голоса.

— А долги? — крикнул кто-то. — Ворота закрыты!

— Долги останутся. Ложная полночь прошла. До настоящей три часа.

— Нам верить сборщику?

Мирослав указал на семь ворот. На каждой цепи шёл обратный счёт.

— Верьте дорогам. Меня проверяйте так же.

Люди зашевелились. Кто-то покинул очередь, не желая называть покупку. Другие, наоборот, подошли ближе.

Первой села женщина с заиндевевшим рукавом.

— Зовут Марфа Тепляк, — сказала она. — Купила признание человека, который оставил мать без дров. Мне обещали, что я смогу исправить свой отказ пустить сестру в дом зимой. Я открыла коробочку, и холод пошёл не в мой дом, а в руку дочери. Дочь у лекаря.

— Что вы сделали после отказа сестре? — спросил Тиш-

ка.

Марфа закрыла глаза.

— Ничего. Я не знаю, где она теперь.

Иней на рукаве засверкал. Мирослав поднял ладонь.

— Не продолжайте рядом с жетоном. Если признание станет точным, сила снова пойдёт через чужую коробочку. Сначала завернём её в ткань без узлов и положим отдельно.

— А потом?

— Потом найдём способ вернуть вам ваше исправление, а владельцу слов — его. Но сегодня я не обещаю закрыть долг за один разговор.

Марфа горько усмехнулась.

— Жетонщик обещал.

— Поэтому мы сейчас здесь.

В стороне ударил настоящий колокол — один раз, тяжело и глубоко. Красный песок пересёк первую отметку. Это был не полуночный бой, а подтверждение исправленного времени.

Все семь ворот ответили. Цепи не поднялись, зато в них появились узкие просветы. Через такие нельзя было выйти, но можно было передать записку, лекарство или воду людям снаружи.

Ярмарка признала: свидетели не должны платить разлукой только потому, что кто-то присвоил голос колокола.

Мирослав посмотрел на повреждённые счёты. На пустой костяшке всё ещё не хватало последней буквы его фамилии.

Ложные удары не дописали её. Значит, имя забирало не само течение времени. Его отдавали поступки, которые ярмарка считала согласием быть обеспечением.

У него было почти три часа, тридцать открытых строк и очередь людей, чьи ошибки кто-то превратил в товар.

Раньше он назвал бы очередь помехой взысканию.

Теперь она была единственным счётом, которому он доверял.

Глава 8. Имя на медной костяшке

Марфа Тепляк закончила показания, когда на костяшке появилась последняя буква.

Мирослав не сразу это заметил. Он заворачивал её жетон в холст и объяснял писарю, почему нельзя завязывать узел: узел превратил бы хранение в обещание удерживать признание, а ярмарка любила превращать случайные слова в обязанности. Марфа смотрела на заиндевевший рукав. Тишка выводил в книге имя её дочери, не касаясь страницы больной ногой.

Повреждённые счёты лежали у локтя Мирослава. Медная рама тихо звякнула.

На пустой прежде костяшке горело полное имя:
«МИРОСЛАВ ЧЕТА».

Последняя буква была свежее остальных. Медь вокруг неё ещё светилась красным, будто знак выжгли изнутри.

— Вы порезались? — спросила Марфа.

Мирослав посмотрел на ладонь. Крови не было. Но под безымянным пальцем проступила тонкая медная черта.

— Нет.

Он сдвинул костяшку к краю рамы. Та не пошевелилась. Все остальные двигались по спицам, даже погнутым. Именная приросла к средней перекладине.

Тишка отложил перо.

— Это плохо?

— Это законченная запись.

— Я спросил не это.

— Тогда да.

Очередь перед столом росла. Люди ждали, держа опасные коробочки на вытянутых руках. Остановить сбор показаний ради собственного имени означало подтвердить худшее правило старого взыскания: важнее всего тот долг, который касается сборщика.

Но продолжать, не понимая залога, было не служением людям, а удобным способом не смотреть на страх.

Мирослав передал холщовый свёрток торговке пряностями.

— Запишите, кто принял, в какое время и где лежит. Следующий жетон не открывать. Вопросы те же.

— А вы куда? — спросил Тишка.

— В корневую счётную.

— Один?

— Там свидетели не помогают. Корни показывают только тому, чьё имя записано.

Лада, стоявшая за очередью, тут же подошла ближе.

— Значит, я пойду и подожду у двери.

— Зачем?

— Чтобы потом подтвердить, вернулись вы или вышел безымянный сборщик.

Мирослав хотел запретить. Потом вспомнил собственное

правило о двух свидетелях.

— У двери, — согласился он. — Ничего не подписывать и не брать в руки.

— Вы повторяете это так часто, будто я мечтаю подписать первую попавшуюся бумагу.

— Сегодня ты уже собиралась отдать руку за чужой долг.

— Сегодня я стала умнее.

— Хорошее начало. Не считай его завершением.

Они прошли к середине ярмарки. После исправления ко-локола торговля изменилась. Продавцы зелёных жетонов за-крывали лотки, зато вокруг обычных лавок снова появились покупатели. Кто-то покупал хлеб, кто-то верёвку, кто-то тёп-лую обувь. Люди цеплялись за простые сделки, в которых це-на помещалась на ладони и не требовала отдавать прошлое.

У семи ворот продолжался обратный счёт. До полуночи оставалось два часа сорок семь минут.

Корневая счётная не имела вывески. В центре перекрёст-ка стоял круглый каменный стол, заваленный дешёвыми су-венирами: свистульками, расписными ложками, игральными костями. Продавала их старуха в шапке с бубенцами. Она громко зазывала прохожих и брала только мелкую медь.

Мирослав положил перед ней именную костяшку вместе со всей рамой.

Старуха перестала улыбаться.

— Такие вещи здесь не продают.

— Мне нужен корень записи.

— Корень растёт вниз.

— Поэтому я пришёл к столу без ножек.

Старуха смахнула свистульки на землю. Каменная плита оказалась крышкой колодца. Под ней не было воды — только винтовая лестница, уходившая в тёплую темноту.

— Девчонка остаётся, — сказала старуха.

— Я знаю, — ответила Лада.

— Тогда зачем подошла к краю?

Лада отступила на шаг.

— Если через четверть часа не вернусь, — сказал Мирослав, — отнеси записку Фадею.

— Какую?

— Никакую. Просто скажи, что я не вернулся.

— Это не записка.

— Поэтому её нельзя подменить.

Он взял счёты и начал спускаться.

Лестница сделала семь оборотов. На каждом менялся запах: дорожная пыль, мокрая шерсть, железо, яблоки, дым, речная вода, холодный камень. Так ярмарка напоминала, что у неё семь дорог и ни одна не главная.

Внизу стоял шкаф высотой с дом. Ящики уходили во тьму вправо и влево. На каждом была медная ручка без надписи. По полу ползли корни, похожие на толстые жилы. Они входили в шкаф, лестницу, стены и в раму счётов у Мирослава.

— Запись окончена, — произнёс голос из шкафа.

— Кем начата?

— Владельцем требования.

— Имя.

— Предъявите согласие залогодателя.

— Его нет.

— Тогда предъявите основание замены согласия.

— За этим я пришёл.

В стене выдвинулся ящик. Мирослав открыл его. Внутри лежала узкая дощечка, покрытая воском. На ней были отпечатки двух печатей. Первую он узнал: старый знак семьи Чета, весы над перекрёстком. Вторую видел впервые — семь дверей, открытых внутрь.

Между печатями шла запись:

«Получено право вести взыскание на Ярмарке Семи Дорог в течение трёх открытий. В уплату — каждая десятая доля закрытых требований. В обеспечение точности — полное имя продолжателя ремесла».

Ниже стояла подпись Гордея Четы.

Дата была поставлена двадцать один год назад.

Мирославу тогда исполнилось пятнадцать.

Он провёл пальцем над воском, не касаясь. Слово «продолжатель» не называло его прямо. В тот год у Гордея было четверо учеников. Двое ушли после первой зимы, одна ученица умерла от горячки, Мирослав остался. Дядя заложил не имя мальчика, а имя будущего человека, который примет ремесло. Ярмарка сама выбрала того, кто продолжил.

— Почему запись появилась только сейчас?

— Первые два открытия оплачены.

— А третье?

Из шкафа выдвинулся второй ящик. В нём лежали листы прежних ведомостей. Мирослав узнавал собственный почерк. Семь лет назад он закрыл шестьдесят три требования. Двадцать одно из них принёс Гордей. В каждом десятом месте была вырезана узкая полоска бумаги.

— Десятая доля изъята, — сказал Мирослав.

— Изъята из ведомостей, но не передана Ярмарке.

— Куда передана?

— Владелец требования заменил долю равной силой признаний.

— Отделённых признаний.

— Происхождение силы не проверялось условием.

Вот где начинался станок. Не с желания продавать талисманы и не с жадности Клим Гаря. Гордею требовалась каждая десятая доля закрытых долгов, чтобы платить за право работать. Он не хотел отдавать деньги или требования и нашёл то, что ярмарка принимала как равную силу: признания. Потом понял, что излишек можно продавать.

— Ярмарка приняла подмену?

— Приняла платёж. Не закрыла происхождение.

— Почему долг остался за Гордеем?

— Доля должна быть передана после сведения третьего открытия. Сведение не завершено.

— Тогда имя ещё не подлежит взысканию.

— Подлежит при недостатке доли к первому лучу.

— Сейчас до полуночи почти три часа.

— Запись обеспечения готовится действиями залогодателя.

— Я не залогодатель.

Шкаф замолчал.

Мирослав почувствовал, как медная черта под пальцем стала горячее.

— Назовите залогодателя.

— Полное имя продолжателя ремесла является предметом залога и залогодателем после принятия ремесла.

— Это невозможно. Предмет не может дать согласие на собственный залог.

— Согласие заменено продолжением ремесла.

— Я принял работу сборщика, а не старый договор Гордея.

— Различие не записано.

— Покажите действия, которыми я якобы подтвердил залог.

Третий ящик открылся сам. В нём не было бумаги. Над пустым дном вспыхивали картины этой ночи.

Мирослав принял медные счёты у входа.

Мирослав назвал себя сборщиком перед Настой.

Мирослав предъявил семейную печать в лавке Весты.

Мирослав сказал Гордею: «Я закрою настоящий счёт».

Мирослав подставил раму под балку, спасая Тишку.

Мирослав велел колоколу удерживать медный язык.

Мирослав начал собирать показания покупателей у распорядителя.

После каждой картины на костяшке возникала новая буква. Последняя появилась, когда он принял на хранение жетон Марфы и распорядился вести общий список.

— Вы считаете любое исполнение работы согласием на договор моего дяди.

— Вы пользуетесь правом, полученным по договору.

— Право взыскивать не принадлежит семье Чета. Ярмарка допускала сборщиков до Гордея.

— Предъявите иное основание вашего допуска.

У Мирослава его не было. Он пришёл с семейной печатью, получил семейные счёты и ведомость, составленную по купленным Гордеем требованиям. Даже когда отказался от предложения дяди, он продолжал пользоваться инструментами, оплаченными старым договором.

Городская служба без долговых тюрем, которую Мирослав собирался открыть, тоже начиналась с этого права. Он хотел сделать ремесло справедливее, не спросив, кому и чем оно оплачено.

Слабая золотая искра появилась над его ладонью. Признание услышало точную ошибку, хотя он не произнёс её вслух.

— Нет, — сказал Мирослав.

Искра погасла.

Шкаф закрипел.

— Отказ от признания не меняет запись.

— Я не отказываюсь от ошибки. Я отказываюсь брать силу здесь, где она сразу станет частью обеспечения.

Он достал долговой нож и положил рядом со счётами.

— Что будет, если я сейчас откажусь от ремесла?

— Имя останется обеспечением действий, совершённых до отказа. Право вести взыскание прекратится. Открытые требования перейдут ближайшему допущенному сборщику.

— Гордею.

— Гордею Чете.

Так дядя устроил ловушку. Пока Мирослав работал, его имя созревало для взыскания. Если перестанет — список, свидетели и спорные жетоны перейдут Гордею, который закроет строки запасёнными признаниями.

— Можно ли отделить моё право от договора?

— Предъявите новое основание допуска.

— Кто его даёт?

— Те, чьи требования ведёт сборщик, и те, с кого он взыскивает.

Мирослав нахмурился.

— Должники назначают сборщика?

— Если взыскание меняет их права, требуется принятие с обеих сторон.

— Почему об этом нет в правилах у ворот?

— У ворот указано достаточно для входа.

— Достаточно кому?

— Вошедшему.

— Нет. Достаточно ярмарке, чтобы потом взыскать остальное.

Шкаф не возразил.

Новое основание допуска требовало согласия духов-требователей и людей-должников. Собрать его за три часа по тридцати строкам казалось невозможным. Но впервые появился путь, который не сводился к выбору между именем и капитуляцией.

— Что именно входит в полное имя?

— Имя, которым владелец узнаёт себя; имя, которым его зовут другие; право откликаться; право подписывать; право передавать память о своих поступках под этим именем.

— Лицо останется?

— Да.

— Память?

— Личная память останется. Связь памяти с именем исчезнет.

— Люди будут узнавать меня?

— Они узнают лицо и не смогут удержать, кому оно принадлежит.

— Мои записи?

— Станут записями сборщика без имени.

Это было хуже смерти в одном и мягче смерти в другом. Он продолжал бы ходить, есть, помнить Насту, Ладу, Фадея и Гордея. Они видели бы его и через минуту забывали, как

позвать. Любое исправление осталось бы поступком должности, а не человека. Идеальный сборщик для ярмарки: без родства, репутации и права сказать «я сделал».

— Кому перейдёт имя?

— В счёт недостатка.

— Это не ответ. Кто сможет им пользоваться?

— Владелец закрытого требования.

— Гордей?

— Владелец права вести взыскание.

Дядя мог получить не только послушного безымянного работника. Он мог получить имя племянника как печать на городской службе, которую тот ещё не успел открыть. Под именем Мирослава заключать договоры, принимать долги, обещать людям мирное взыскание — и наполнять станок новыми признаниями.

Медная черта дошла до среднего пальца.

— Почему имя уже взыскивается, если срок на рассвете?

— Проверка доступности обеспечения.

— То есть вы забираете его понемногу.

— Проверяется связь владельца с предметом залога.

— Верните проверенное.

— После достаточной уплаты или замены обеспечения.

— Чем можно заменить?

Из шкафа выдвинулся четвёртый ящик. В нём лежала чистая медная пластина размером с ладонь.

— Равным правом.

— Объясните без счётного языка.

— Имя даёт право одному человеку продолжать ремесло. Равной заменой является право, не принадлежащее одному человеку.

Мирослав взял пластину за край. На ней проступили тридцать пустых мест для знаков.

Не новое имя. Новый способ назначать сборщика.

Если каждый должник и каждый требователь примет условия взыскания, право станет общим. Его нельзя будет забрать вместе с одним именем и передать Гордею. Это совпадало с тем, что Мирослав годами собирался сделать в городе: службу, где взыскатель отвечает перед обеими сторонами, а не только перед владельцем списка. Только он думал начать после ярмарки, получив разрешение и деньги. Ярмарка требовала построить основание сейчас, посреди незакрытых долгов.

— Если я заполню пластину, залог снимут?

— Если новое право будет принято до сведения счетов и не унаследует старую задолженность.

— Кто решает, наследует ли?

— Последствия действий.

— Опять ответ после события.

— До события последствий нет.

Мирослав убрал пластину за обложку ведомости.

— Покажите первоначал договора.

— Показан корень записи.

— Я видел копию в воске.

— Корень является точной памятью договора.

— Где предмет, на котором Гордей подписал?

Шкаф долго молчал. Потом один из корней на полу втянулся в стену. Под ним обнаружилась узкая щель.

В щели лежала медная костяшка.

Она была чёрной от времени. На одной стороне стояло имя Гордея, на другой — всего одно слово: «ПЛЕМЯННИК».

Не «продолжатель». Не безымянный будущий ученик. Гордей с самого начала назвал родство, а в восковую память договора вошло более широкое слово.

— Почему тексты различаются?

— Костяшка является приложением, принятым после основного договора.

— Когда?

— Четырнадцать лет назад.

Мирославу было двадцать два. Он уже работал помощником Гордея и впервые самостоятельно закрыл долг речному духу. В тот вечер дядя напоил его сладкой настойкой, похлопал по плечу и сказал, что теперь ремесло не умрёт. Мирослав счёл это похвалой.

Гордей в тот же вечер уточнил залог.

— Чья подпись на приложении?

— Гордея Четы.

— Моя есть?

— Нет.

— Почему принято?

— Основной договор допускал владельца права называть продолжателя после первого самостоятельного взыскания.

Юридически Гордей не подделал согласие. Он заранее купил право назначить обеспечение, затем дождался, когда племянник докажет, что подходит. Ярмарка приняла точное исполнение чудовищного условия.

Мирослав коснулся чёрной костяшки долгovým ножом.

Воспоминание ударило запахом сладкой настойки. Гордей сидел у печи, босой, усталый, непривычно весёлый. На столе лежали первые заработанные Мирославом серебряные монеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.